

Ольга Колотова

ИНКВИЗИТОР. Охота на дьявола

Ольга Колотова

Инквизитор. Охота на дьявола

«АСТ»

2015

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

Колотова О. Е.

Инквизитор. Охота на дьявола / О. Е. Колотова — «АСТ», 2015

Новый блестящий исторический роман. 1620 год. Учреждение в небольшом портовом городке трибунала святой инквизиции совпадает с рядом загадочных происшествий: при странных обстоятельствах убиты совершенно не связанные друг с другом люди: еврей-ростовщик и блестящий дворянин, кладбищенский сторож и первая красавица в городе. Объединяет эти происшествия лишь одно: на месте преступления остается договор с дьяволом, подписанный кровью очередной жертвы. По городу ползут зловещие слухи, люди в панике. Расследовать убийства берется сам отец-инквизитор...

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

© Колотова О. Е., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ольга Колотова

Инквизитор. Охота на дьявола

Пролог

– Пошевеливайтесь, собаки!

Бич надсмотрщика быстрее загулял по спинам гребцов.

– Живее, неверные псы!

Краснолицый, чернобородый турок бегал по проходу между скамьями, щедро раздавая удары налево и направо.

На банках – скамьях для гребцов – выбивались из сил девяносто обнаженных бритоголовых мужчин. Кровь покрывала их спины и плечи, безжалостно исполосованные кнутами надсмотрщиков. Они были рабами – пленниками, захваченными в сражениях или купленными на невольничьих рынках. Здесь были французы, итальянцы, испанцы – те несчастные, что, попав в руки варварийских корсаров, не смогли внести за себя выкуп и стали дармовой рабочей силой; здесь были греки с Эгейских островов и негры из глубин черного континента. Все они, без разбора, прикованные к своим скамьям, часами ворочали тяжелыми веслами. На каждое весло приходилось по три человека.

Алжирская галера уходила от погони. Ее капитан, Меши Раис, итальянский ренегат¹ Микьеле, кусал губы и тихо ругался на четырех языках – турецком, арабском, итальянском и *lingua franca*². Он понимал, что сражения избежать не удастся. Алжирским морякам не занимать было мужества и отваги, но соотношение сил складывалось явно не в их пользу. Они возвращались из удачного набега на сицилийское побережье. Почти сотню новых пленников взял Меши Раис, в их числе и красивые девушки, и сильные юноши, и совсем еще дети – десятидвенадцатилетние мальчишки. Молодые рабы дорого ценились. Большую выгоду обещал этот рейд Меши Раису и его корсарам. Но им не повезло. Длинная, узкая галера устремилась вслед за ними. Меши Раис уже ясно мог видеть ее флаг – красное полотнище с белым восьмиконечным мальтийским крестом, крестом в виде четырех ласточкиных хвостов, сходящихся в одной точке. Это был флаг заклятых врагов воинов ислама – рыцарей-госпитальеров³. Мальтийские рыцари считали своим святым долгом преследовать все варварийские корабли, где бы, когда и в каком количестве не встретили их.

Мальтийская галера превосходила алжирскую размерами и вооружением. Сто пятьдесят гребцов, пленников-мусульман, гнали ее вперед. Блики солнца вспыхивали на стволах медных пушек.

Меши Раис принял решение не испытывать судьбу и спастись бегством. Но расстояние между галерами неуклонно сокращалось. И ни проклятия, ни обращенные к Аллаху молитвы, ни плети надсмотрщиков, все чаще опускавшиеся на плечи измученных гребцов, ничего изменить не могли.

А в сердцах несчастных гребцов проснулась слабая надежда. Смертельные враги турок для них могли оказаться спасителями. Правда, в большинстве случаев морские сражения заканчивались для шиурмы – галерной команды – не долгожданной свободой, а гибелью. Если поврежденная в бою галера начнет тонуть, никто не позаботится о гребцах, они, прикованные

¹ Среди североафриканских (варварийских) было немало европейцев, принявших ислам.

² Морской жаргон, состоявший из смеси средиземноморских языков.

³ Мальтийский орден, или Орден святого Иоанна Иерусалимского, военно-монашеский, рыцарский орден, с 1530 г. базировавшийся на о. Мальта, гроза мусульманских корсаров.

к своим скамьям, пойдут на дно вместе с кораблем. В минуту опасности и христианским, и мусульманским воинам будет просто не до них.

Впрочем, галерники не боялись смерти. Потому что смерть тоже несла им освобождение, освобождение от жизни, превратившейся в сплошное страдание. Не боялся ее и крепкий, мускулистый испанец, налегавший на одно весло вместе с огромным негром и тощим, изможденным французом. Он уже не помнил, сколько лет терпел эти мучения. Он потерял счет часам, дням, годам – все они походили один на другой. И только смутное сознание того, что он должен восстановить справедливость: отомстить тем, кого ненавидел, и разыскать тех, кого любил – позволяло ему выжить.

С мальтийской галеры дали предупредительный выстрел из носовой пушки. Ядро со свистом пронеслось над головами корсаров, не причинив, Впрочем, никому никакого вреда. Пираты дали ответный выстрел, но тоже безуспешно.

А затем корпус алжирской галеры содрогнулся от страшного толчка. Нагнавшая ее мальтийская галера нанесла таранный удар. Это был скользкий удар, направленный вдоль борта, с целью переломать весла и лишить противника способности к бегству. Толстые, массивные весла левого борта переломились, как щепки, и при этом немало беспомощных гребцов поплавились разбитыми головами и перебитыми спинами. Вслед за этим галеры соприкоснулись бортами и накрепко были сцеплены абордажными крючьями.

Дикий вопль турок слился с боевым кличем христианских воинов. Прямые мечи скрестились с кривыми ятаганами. Корсары не собирались дешево отдавать свои жизни и награбленное добро.

Скованные гребцы могли быть лишь зрителями происходящего и разве что криками выражать свое одобрение атакующим.

Испанец молчал. Если горячее желание победы рыцарям-иоаннитам можно считать молитвой, то он молился. И Бог услышал его. Услышал впервые за долгие годы.

Галера перешла в руки госпитальеров. Когда последние очаги сопротивления корсаров были подавлены, на борт захваченного корабля поднялся капитан-победитель: седобородый рыцарь в черной, отделанной серебром кирасе и в плаще с белым мальтийским крестом на красном поле.

Испанец видел, как он, отдавая приказанья, указал рукой на израненных, сгрудившихся на корме турок, очевидно, велел их связать, а затем, кивнув на гребцов, произнес, как показалось испанцу, что-то вроде:

– Спросите, нет ли среди них пленных христиан...

Слезы навернулись на глаза испанца, когда с его ног сбили оковы.

Он упал на колени на палубный настил и возблагодарил Бога и всех его святых. Он был свободен. Он прошел все круги ада и остался жив. Его ждала, во всяком случае, он на это надеялся, женщина, которую он горячо любил. И у него был враг, которому он должен был отомстить, а, значит, у него была цель в жизни. Он должен был жить. Должен был вернуться на родину, чтобы рассчитаться с долгами: выполнить свои обязательства перед дорогими ему людьми и взыскать с тех, кто задолжал ему.

Часть первая

Дьявол и еврей

В начале лета 1620 г. в городе произошло, наверно, одно из самых знаменательных событий за всю его историю – здесь был учрежден трибунал святой инквизиции. Само по себе водворение тут церковного судилища не являлось чем-то особенным; к тому времени уже во всех крупных городах Испании: Мадриде, Севилье, Барселоне, Сарагосе, Вальядолиде, Гранаде, Валенсии, Логроньо – давно существовали инквизиционные трибуналы и без усталости отправляли в тюрьмы или на костры сотни, если не тысячи, еретиков и дьяволопоклонников. Удивительно не само появление в городе инквизиторов, а последствия, к которым оно привело, или, что также возможно, простое совпадение по времени учреждения трибунала и возникновения странных и таинственных происшествий, о которых и много лет спустя бабушки рассказывали страшные сказки своим внукам.

Учреждение инквизиции вызвало у местных жителей самые разнообразные чувства. Городская чернь радовалась, прослышав, что в дополнение к обычным развлечениям, вроде повешения воров или публичной порки, теперь добавится новое зрелище – аутодафе, и, возможно, будут даже сожженные заживо. Все горожане, чья совесть была нечиста, пришли в ужас, потому что в те времена никто, даже самый знатный и богатый человек, не был защищен от преследований со стороны церковных властей, и попасть в застенки святого трибунала было куда проще, чем выйти оттуда. Ревностные христиане готовились обличить своих соседей, по их мнению, недостаточно ревностных. Любопытные личности, которым всегда есть дело до чужой частной жизни и чужих убеждений, тоже радовались случаю поделиться своими наблюдениями, да в придачу еще и получить часть добра осужденного, так как, по существующим законам, доносчику полагалось вознаграждение. Враги думали, как с помощью святого трибунала свести счеты друг с другом. Местный епископ, его преосвященство Хуан Карранса, привыкший к тихой и беззаботной жизни, пребывал в крайне подавленном расположении духа, вполне справедливо предполагая, что с водворением в городе трибунала его покою пришел конец.

Первым делом во всех городских церквях был зачитан указ инквизиторов, повелевающий всем добрым католикам донести на своих сограждан.

Прежде всего, указ предписывал разоблачать тайных иудеев. Узнать их можно было чрезвычайно просто. Во-первых, они отмечали еврейские праздники, во-вторых, не употребляли мяса с кровью и салом, в-третьих, по субботам одевались в свои лучшие, чистые одежды и застилали кровати чистыми простынями. Из чего, видимо, следовало заключить, что ни один истинный христианин не станет по субботам мыться и уж тем более спать на чистых простынях.

Item⁴, следовало доносить на поганых магометан, которые считают, что нет Бога, кроме Аллаха, молятся, обращаясь лицом к Мекке, едят мясо по пятницам и совершают ритуальные омовения.

Item, население было обязано сообщить о последователях «лживой и вредной секты Лютера». Эти еретики полагали, что исповедоваться перед священниками не обязательно, что римские папы не имеют права раздавать индульгенции, и, подумать только! – что все многочисленное Христово воинство – монахи и монахини – совсем не нужны.

Предписывалось также доносить на прочих сектантов, богохульников, колдунов, астрологов, хиромантов, священников-совратителей, склоняющих своих духовных дочерей ко греху, а также всех тех, кто осмеливался критиковать действия святой инквизиции.

⁴ Также, равным образом. *Лат.*

Всем виновным в вышеуказанных преступлениях следовало в двадцатидневный срок явиться в святой трибунал и покаяться, в противном случае они не могли рассчитывать на снисхождение.

Затем отцы-инквизиторы вместе с монахами-доминиканцами из здешнего монастыря, где остановились члены святого трибунала, и приспешниками инквизиции организовали торжественную процессию, и, наконец, после воскресной мессы в главном городском соборе на центральной площади – соборе св. Петра – при полном стечении народа проповедь о вреде ересей и пользе доноительства произнес сам декан инквизиторов.

Примерно через час после того как общее волнение улеглось, народ понемногу разошелся, на ступенях у входа в собор показался и сам инквизитор. Там он остановился, словно поджидая кого-то. По-видимому, он не хотел, чтобы зеваки, еще остававшиеся на городской площади, узнали его: черты его лица почти полностью скрывал низко надвинутый капюшон. Тот, кого он ждал, подошел почти тотчас же. Это был молодой человек лет двадцати, гибкий, верткий и слегка косоглазый.

– Ах, хозяин, – обратился он к инквизитору, – я слышал вашу проповедь от начала до конца. Вы превзошли самого себя. Многие женщины даже прослезились. Честное слово, даже мне самому захотелось на кого-нибудь настучать. Правда, мне известен только один человек, которого за его взгляды следовало бы упечь в тюрьму, – парень лукаво взглянул на инквизитора.

– Санчо, ты сделал все, как я просил? – перебил его монах-доминиканец⁵.

– Да, – ответил Санчо, который, по всей видимости, был слугой святого отца. – Я снял дом подальше от доминиканского монастыря, как вы и просили.

– Прекрасно. А то у меня нет ни малейшего желания делить кров ни с этим плешивым ослом Эстебаном – он надоел мне еще в Валенсии, ни с прокурором – это нечто совершенно невозможное. Он страшен, как крыса, зол, как собака, скользок, как угорь, и глух, как пень.

– Сочувствую, хозяин, – хихикнул Санчо.

Хотя инквизитор не стремился привлечь к себе внимание, его все равно узнали. Не успел он сделать и двух шагов вниз по лестнице, как вдруг перед ним на колени опустилась какая-то девушка.

– Благословите, святой отец.

Она была совсем юной. Мантилья соскользнула с ее головки на плечи, открывая вьющиеся черные волосы. Девушка смотрела на инквизитора снизу вверх широко раскрытыми от восхищения глазами.

Инквизитор привык к таким сценам. Обычно он обращал на людей, преклоняющих перед ним колени, внимания не больше, чем на назойливых мух. Он знал, что от него требовалось: возложить руку на голову девушки, произнести слова благословения и важно проследовать дальше, как человеку, исполненному святости и достоинства.

Так он и поступил. То есть, почти так. Его рука слегка дрогнула. И в то же мгновение их взгляды встретились. Но по ее ясному взгляду инквизитор понял, что она ничего не заметила. Она была слишком чиста, чтобы предположить в душе священника нечистые помыслы.

– Вот вы уже и сделались местным святым, – заметил Санчо, когда они наконец вышли на площадь.

– Никогда не мог отказать женщине, о чем бы она ни попросила, – рассеянно ответил инквизитор, глядя вслед девушке.

– Похоже, вы тут же забыли, что вам полагается быть святым, – усмехнулся Санчо.

– Зато я не забуду отрезать тебе язык!

– Пустые угрозы!

⁵ В Испании инквизиция всецело находилась в руках доминиканского ордена.

– Почему же?

– Зачем я вам без языка?

– Замолчи, наконец! – процедил сквозь зубы инквизитор, все еще не спуская глаз с удалявшейся женской фигурки.

– Она действительно очень хорошенькая, – не унимался Санчо, – но вам совсем незачем так на нее пялиться. Надеюсь, вы с ней больше никогда не встретитесь.

– Это что еще за пожелания, черт тебя побери?!

– Судите сами, что хорошего в том, если девочку еще раз сведет с вами случай? Было бы гораздо лучше, если б ей никогда не пришлось иметь дел с инквизицией.

– Пожалуй, ты прав, – задумчиво отозвался священник. – Ей действительно не стоит встречаться с неким братом Себастьяном, назначенным сюда инквизитором, но я дорого бы дал, чтобы она еще раз случайно повстречалась с доном Бартоломе де Сильвой.

– Разве это не одно и то же лицо?

– Почти, – улыбнулся инквизитор, – но чаще всего они делают вид, что незнакомы друг с другом.

– Еще бы! Им это легко удастся, ведь они никогда не встречаются! – рассмеялся Санчо.

– Ты так полагаешь?

– Ну да! Когда вы в сутане – ну вылитый брат Себастьян, но стоит вам переодеться в светское платье, как от монаха и след простыл! Клянусь, сейчас вы бы не упустили девочку, если бы были доном Бартоломе.

– Замолчи же наконец!

– Я молчу. А вы еще свое наворачтаете.

– Пойдем, – сказал монах, в прошлом – благородный дон Бартоломе де Сильва, – покажи мне дом.

Он и сейчас еще временами забывал, кто же он на самом деле: отец-инквизитор или же блестящий кабальеро дон Бартоломе де Сильва, каким он был много лет назад...

* * *

По усыпанной мелким белым песком аллее монастырского сада, не торопясь, прогуливались два человека. Они шли рука об руку, как добрые старые приятели. В действительности они были едва знакомы.

Они составляли очень странную пару. Один – высокий, толстый, шагал медленно, лениво, но при этом плавно и бесшумно. Всем своим видом он напоминал раскормленного и разомлевшего на солнце кота. Его лицо с обвисшими щеками и двойным подбородком не выражало ничего, кроме тупости и сытого довольства. Большие, оттопыренные уши придавали ему еще более глупый и безобидный вид. Едва ли кто-нибудь с первого взгляда смог бы догадаться, что брат Эстебан – инквизитор только что учрежденного в городе трибунала, совсем не так прост, как кажется.

Рядом с ним семенил брат Сальвадор – прокурор инквизиции, невзрачный сутулый человек, тощий и угловатый, как щепка. Он держался слева от собеседника и, к тому же, наклонял голову в правую сторону, потому что был совершенно глух на левое ухо. С его худого, острого, как крысиная мордочка, лица не сходило выражение настороженности и подозрительности. Необходимость внимательно вслушиваться в слова собеседника и пристально вглядываться в его черты – брат Сальвадор мог понимать речь другого человека по одним лишь движениям губ – еще усиливали это выражение. Из-под его нависших седых бровей сверкали крошечные, колючие глазки-бусинки.

Лишь в одном оба монаха походили друг на друга: у обоих на макушке были большие, круглые лысины, только у брата Эстебана вокруг плечи торчали жесткие черные космы, а у

брата Сальвадора – седые волосы, серые, как пепел. И такие же серые пучки волос росли у него из ушей.

Верный своему профессиональному долгу вынюхивать все, везде и обо всех, брат Сальвадор с первого дня своего приезда не терял ни минуты и уже успел расспросить всех монахов доминиканского монастыря и остановившихся здесь служителей святого трибунала. Сейчас он старательно выуживал сведения у брата Эстебана, который, впрочем, мог сообщить ему не так уж много. А интересовал фискала другой инквизитор – брат Себастьян, с которым он еще не имел случая побеседовать с глазу на глаз.

– Вы давно с ним знакомы? – спросил прокурор. Голос у него был резкий и скрипучий.

– Да, конечно. Я несколько лет работал вместе с ним в валенсийском трибунале.

– Что? Вы его и раньше знали?

– Я же сказал, что знал! Ох, простите...

– Что он собой представляет?

– Это самый умный человек, которого я когда-либо встречал, – сказал брат Эстебан, но в голосе его прозвучало скорее сожаление, чем восхищение. По-видимому, пронизательность брата Себастьяна отнюдь не приводила его в восторг.

– Сколько лет он был инквизитором в Валенсии?

– Три года.

– Что он делал до этого?

– Я его никогда не спрашивал, – растерялся брат Эстебан. – Мне кажется, ему бы не понравилось, если б я стал задавать вопросы... К тому же, мы никогда не были в приятельских отношениях...

– Неужели вы не слышали о нем совсем ничего?

– Только то, что он очень быстро выдвинулся благодаря покровительству своего дяди, который входил в Верховный совет инквизиции. Но несколько лет назад его дядя скончался...

– И сейчас у него нет влиятельных покровителей в Мадриде?

– Не знаю...

– Это все, что вы можете мне сообщить?

– Увы!

– Ну так я вам расскажу, – улыбнулся прокурор, показав мелкие, хищные зубки. – Он происходит из благородной, но совершенно разорившейся семьи. В миру его имя было дон Бартоломе де Сильва. В молодости он изучал богословие в Алькала-де-Энарес⁶, этого ему, впрочем, показалось мало, он отправился в Саламанку, затем в Коимбру, был, кажется, даже в Сорбонне и, разумеется, в Риме. Не могу сказать, чем он там занимался, кроме теологии, но, во всяком случае, по возвращении в Мадрид, он получил степень лиценциата. Затем... ему пришлось в голову заняться обращением язычников, и он уехал в Мексику. Видимо, особых успехов на миссионерском поприще он не достиг, по крайней мере, через два года он вновь возвратился на родину, и более его не влекло к дальним странствиям. Несколько лет он служил комиссарием инквизиции в Гранаде, затем дядя пристроил его в трибунал Валенсии. Остальное вы знаете.

– Обо мне вы располагаете столь же исчерпывающими сведениями? – поежился инквизитор.

– Разумеется, – невозмутимо ответил брат Сальвадор и продолжил свои расспросы. – А нет ли у него каких-нибудь склонностей... э-э... пристрастий... грешков?

На свете найдется немного людей, которые удержались бы от соблазна посплетничать за спиной у своих знакомых.

⁶ Алькала-де-Энарес – в средние века университетский городок под Мадридом, ныне находится в черте столицы

– Есть, – сказал брат Эстебан и, наклонившись к самому уху брата Сальвадора, прошептал. – Он бабник!

Брат Эстебан произнес эти слова и испуганно огляделся по сторонам. Впрочем, волновался он напрасно. Его не услышал даже тот, кто должен был услышать. Не поняв сути, брат Сальвадор, однако, сразу догадался: его собеседник почему-то боится брата Себастьяна.

– Что вы сказали? – переспросил он.

– Я говорю, он волочится за каждой юбкой!

– Человек слаб, – заметил прокурор.

– Вот именно! – отозвался инквизитор. – Но, заметьте, по слабости своей люди совершают больше грехов, чем по злему умыслу.

– Что вы хотите этим сказать?

– Брат Себастьян подчас проявляет слишком большую снисходительность к молоденьким еретикам, особенно, если они хороши собой... Конечно, милосердие – это добродетель... Но в данном случае...

– Совершенно с вами согласен, – проскрипел прокурор. – Опасно проявлять снисходительность к врагам веры.

– И потому я позволю себе дать вам добрый совет, – вкрадчиво продолжал брат Эстебан. – Если ему придет в голову в очередной раз отпустить какую-нибудь смазливую девчонку за недостатком улики, требуйте допроса с пристрастием: вы знаете, признание обвиняемого – наилучшее доказательство.

– Я приму это к сведению, – кивнул прокурор и неожиданно спросил. – Вы с братом Себастьяном никогда не ссорились?

– Ну что вы! – отозвался брат Эстебан. – Я всегда считал за честь служить вместе с ним. И лишь эта его слабость немного огорчает меня.

– Я думаю, мы поможем ему преодолеть ее, – заключил прокурор.

Они остановились и посмотрели друг другу в глаза. Каждый пытался понять, что думает другой. Но в бесцветных, точно стеклянных, глазах инквизитора, казалось, не было ни единой мысли, и только злоба на весь мир горела в колючих глазках фискала.

* * *

Хуан Карранса, местный епископ, был маленьким, тщедушным старичком с хитроватыми, прищуренными глазками. Он долгое время жил при папском дворе, выполняя поручения христианнейшего короля. Лет десять назад он с явной неохотой возвратился на родину, привезя с собой из Италии коллекцию произведений искусства, привычку к постоянной праздности и внебрачную дочь, которую он выдавал за свою племянницу. Теперь старый сибарит мирно наслаждался жизнью, созерцая свои картины и статуи, и имел довольно туманное представление о том, что происходит в его епархии. Учреждение в городе святого трибунала, так некстати нарушившего его сонное существование, его преосвященство воспринял как наказание божье.

Впрочем, епископ принял брата Себастьяна очень приветливо. Во-первых, его преосвященство по характеру было человеком мягким и добродушным, во-вторых, как и полагалось, относился к Супреме – Верховному совету инквизиции в Мадриде – с величайшим почтением и, в-третьих, привык смотреть на вещи философски, подчиняясь судьбе со спокойствием лентяя и фаталиста. К тому же, епископа приятно удивило то, что инквизитор первым нанес ему визит. Сейчас его преосвященство со смешанным чувством опасения и любопытства рассматривал человека, реально облеченного гораздо большей властью, чем он сам, и от которого, в силу занимаемой им должности, старику трудно было ожидать чего-либо, кроме неприятностей.

Прежде всего епископ невольно отметил, что отец-инквизитор – красивый мужчина. Такие обычно нравятся женщинам, хотя и не прикладывают для этого особых усилий. Кроме того, брат Себастьян оказался гораздо моложе, чем представлял себе его преосвященство, рисуя в воображении пожилого, мрачного фанатика, одного из тех, кого природа создала не столько для защиты религии, сколько для того, чтобы мешать всем остальным людям спокойно жить. Инквизитору было, по всей видимости, едва за сорок, и то об этом можно было догадаться лишь по седым прядям, серебром сверкавшим в его черных волосах, и морщинкам в уголках глаз. Однако, по существующей традиции, главой провинциального трибунала мог быть назначен человек не моложе сорока лет.

Инквизитор держался подчеркнуто вежливо, отчужденно и строго. Но епископ с проницательностью старого, умудренного жизнью интригана, получившего хорошую выучку при дворе его святейшества, понял, что его сдержанно-холодный вид – всего лишь маска, которой он прикрывается ровно настолько, насколько этого требуют приличия. Но попробуй угадай, каково его истинное лицо и что он задумал!

Таким образом, произнеся лишь несколько ни к чему не обязывающих фраз, Бартоломе уже насторожил епископа.

Когда Бартоломе заговорил о необходимости искоренения ереси в провинции, епископ очень неопределенно ответил, что всемерно готов содействовать святому трибуналу, но надеется, что для отцов-инквизиторов в его епархии найдется не так уж много дел.

Когда Бартоломе осведомился, каким заблуждениям наиболее подвержены здешние горожане, не склонны ли к иудейству или учению Магомета, епископ пробормотал, что, кажется, местное население вполне благонравно и законопослушно. Затем старичок добавил, что у них будет еще предостаточно времени, чтобы обсудить дела, и неожиданно предложил гостю пройти в картинную галерею.

Следуя через анфиладу комнат за шуплым старичком в фиолетовой сутане, Бартоломе размышлял о том, действительно ли его преосвященство полагает, что в подведомственной ему епархии нет еретиков, или же пытается водить инквизитора за нос.

Как только епископ оказался среди произведений искусства, он словно преобразился. С лица его исчезло подозрительное выражение, голос зазвучал уверенно и твердо.

Картины, развешенные на стенах в нескольких вытянутых залах, преимущественно были посвящены античным или библейским сюжетам. Персей с головой медузы Горгоны, преследующая оленя Диана-охотница, Леда в объятиях лебедя, пир царя Валтасара...

Бартоломе порядком утомился, выслушивая сперва истории изображенных на полотнах мифических персонажей, затем подробности жизни художника, если таковые были известны, и, наконец, исчерпывающие сведения о том, где, когда и за какую цену его преосвященство приобрел ту или иную картину.

Когда епископ обратил внимание Бартоломе на обнаженную Венеру, появлявшуюся из морской пены и прикрытую разве что своими собственными волосами, инквизитор в конце концов не выдержал и поинтересовался:

– Вам известно, что в тысяча пятьсот семьдесят первом году Верховный Совет запретил держать изображения подобного рода?

Епископ замолк на полуслове. Он даже не понял, угрожает ему гость или просто насмехается.

– Хороший пример вы подаете своей пастве, – не без ехидства добавил Бартоломе, заметив, как растерялся старик.

– Но ведь сам папа поощряет развитие искусств, – робко возразил епископ.

– На этом основании вы решили игнорировать распоряжение Супремы? Или вам неизвестен этот запрет?

– Это случайность, – смущенно пробормотал епископ, как мальчишка, застигнутый за очередной шалостью, поспешно подхватил Бартоломе под руку и почти потащил в другой конец зала. Здесь по стенам были развешены портреты предков Каррансы.

И Бартоломе вынужден был любоваться на прапрадедов епископа в рыцарских доспехах, застывших в высокомерных позах прелатов, и дам, крайне похожих одна на другую. И о каждом своем родственнике епископ поведал, в каких сражениях тот участвовал, каких милостей удостоился от короля, на ком женился и сколько имел детей. Через полчаса Бартоломе горько пожалел о том, что расстался с античными героями. Сначала он слегка посмеивался над епископом, но, в конце концов, в его голове осталась только одна мысль: как бы побыстрее найти подходящий предлог, чтобы откланяться. И ко всему прочему Бартоломе вынужден был признать, что, если его преосвященство хотел заморочить своему гостю голову, то ему это с успехом удалось.

Спасение пришло неожиданным и довольно странным образом. В зал быстро вошла, почти вбежала высокая, худощавая девушка.

– Дядюшка, вы обещали мне купить Мавританку! – заявила она безапелляционным тоном человека, которому все позволено.

На Бартоломе она почти не обратила внимания: мало ли монахов отирается в епископском дворце!

– Право, не помню, что я тебе обещал, – промямлил епископ, смущенный присутствием гостя, – то ли гречанку, то ли негритянку...

– Я говорю не о рабынях! – возмутилась девушка. – Мавританка – это гнедая кобыла дона Хосе Риверы!

– Кончита, может быть, мы обсудим этот вопрос позже?

– Но я хочу получить ее сейчас!

– Кончита, дочь моя, я занят... И вообще... не кажется ли тебе, что это слишком?..

– Что слишком?

– Пять дней назад ты выпросила у меня белую лошадку, на прошлой неделе тебе потребовалась игренева... Завтра тебе захочется вороную, чалую или еще какую-нибудь.

– Мавританка должна стоять в моей конюшне!

Некоторое время Бартоломе с интересом наблюдал эту сцену, чувствуя, что, пожалуй, ему необходимо вмешаться.

– Ваше преосвященство, – сказал он, – может быть, вы представите мне сеньориту?

– Моя до... моя племянница, – пробормотал епископ. – Кончита... Конча. А это брат Себастьян, инквизитор...

То ли Кончита была незнакома с правилами этикета, то ли, пользуясь своим привилегированным положением в доме епископа, полностью их игнорировала, чем доставляла любящему «дядюшке» немало хлопот.

– Ах, вот оно что, – задумчиво произнесла она, – отец-инквизитор, – и теперь уже посмотрела на Бартоломе с нескрываемым интересом.

В свою очередь, он тоже беззастенчиво разглядывал «племянницу» епископа. У нее были довольно красивые, правильные черты лица, напоминавшие черты римских статуй, однако для женщины она была, пожалуй, слишком высокой и угловатой.

Уже по одному ее взгляду Бартоломе понял, что произвел впечатление, однако у него не было ни малейшего желания продолжать беседу ни с епископом, ни с кем-либо из его семейства.

– Я вижу, ваше преосвященство, вам нужно срочно поговорить со своей племянницей, – сказал он. – Меня же призывают дела, я должен идти. Однако, ваше преосвященство, я надеюсь, мы с вами увидимся через два дня в здании трибунала и там обсудим все вопросы более подробно.

– Конечно, – уныло согласился епископ.

– Симпатичный инквизитор, – заметила Кончита, глядя вслед Бартоломе.

– Кончита! – нахмурил брови Карранса. – Кажется, мы с тобой говорили о кобылах, а не о жеребцах!

– Если я захочу, я получу и то, и другое! – заявила она.

– По крайней мере в последнем я не сомневаюсь! – раздраженно ответил епископ. – Беспутная девка!

Я порядком наслушался о твоих шашнях с каноником городского собора! И что у тебя за пристрастие к священникам, черт побери?!

– Но папочка, – сделала невинные глазки Кончита, – сами-то вы кто? Не забывайте, я ведь ваша дочь, хоть вы и велели на людях называть вас дядей.

Епископ не стал возражать. Во-первых, возразить было, в сущности, нечего, во-вторых, инквизитор, нарушивший его душевный покой, сейчас занимал Каррансу гораздо больше, чем скандальные похождения дочери. Со вздохом епископ отметил, что могло быть и хуже. Этот, по крайней мере, соблюдает внешние приличия и, похоже, не чуждается мирских радостей. Однако он являл собой какую-то скрытую угрозу, потому что ход его мыслей невозможно было предугадать. И вдруг его преосвященству пришло в голову, что, пожалуй, в самом деле было неплохо, если бы Кончита завлекла инквизитора в свои сети.

* * *

Итак, он, брат Себастьян, облечен властью. Громадной властью. Больше, чем у его преосвященства Хуана Каррансы. В его руках судьбы людей, жизнь и смерть. Он волен казнить и миловать, приговаривать и оправдывать. Он никому не подчинен, кроме великого инквизитора и Супремы. Если ему заблагорассудится, он может наложить интердикт на весь город или же отлучить от церкви любого его жителя. Если он захочет, отцы города, как испуганные щенки, будут лизать ему пятки. Он вправе потребовать от городских властей какого угодно содействия. Сам коррехидор⁷ принес ему присягу.

Однако он никогда не стремился к обладанию такой огромной властью. И вовсе не испытывал наслаждения от сознания собственного могущества. Впрочем, в тягость ему эта власть тоже не была. Скорее, он просто принимал правила игры, в соответствии с которыми в развернувшейся шахматной партии судьба отвела ему роль великого визиря. Роль короля, жалкую, ничтожную роль, он оставит епископу. Старый интриган получит всю причитающуюся ему долю уважения. Но не более того.

Оглядываясь назад, на свою прошлую жизнь, брат Себастьян сам с трудом понимал, как он оказался во главе инквизиционного трибунала. В юности он и не помышлял о духовном поприще. Прежде он носил гордое имя дон Бартоломе де Сильва. Тогда, кажется, он действительно хотел быть первым, первым среди своих ровесников, молодых дворян. Он и в самом деле был первым. Он слыл лучшим фехтовальщиком и самым опасным сердцеедом Севильи. Судьба дала ему все – красоту, силу, отвагу. Все, кроме богатства. Отец Бартоломе, пьяница и игрок, оставил ему в наследство только кучу долгов и старую шпагу. Мать умерла, когда Бартоломе был еще ребенком.

Перед Бартоломе, как и перед любым обнищавшим идальго, было три дороги: служба в армии, флот либо духовная карьера. Бартоломе не чувствовал склонности ни к первому, ни ко второму, ни к третьему, и потому предоставил случаю сделать выбор за него. Тут-то как раз на сцене появился дядя Бартоломе со стороны матери, монах-доминиканец, член Верховного совета инквизиции. До крайности возмущенный скандальными похождениями племянника, он

⁷ Коррехидор – представитель правосудия, глава светской исполнительной власти в городе.

взялся наставить Бартоломе на путь истинный и отправил его изучать богословие в университет Алькала-де-Энареса. Бартоломе не сопротивлялся, потому что, во-первых, не находил в своем положении лучшего выхода, во-вторых, потому что добрый дядюшка решил взять на себя все расходы по обучению племянника.

Препятствие состояло лишь в том, что Бартоломе, к восемнадцати годам успевший многое повидать в жизни, не верил ни в Бога, ни в черта. Надев сутану, он также не изменил привычному образу жизни. К счастью, он умел молчать и прятать, как свои убеждения, так и свои похождения.

Таким образом, во главе святого трибунала в конце концов оказался законченный грешник и лицемер. Несправедливо? Но разве было бы лучше, если эта должность досталась бы безжалостному фанатику или ограниченному монаху?

Сейчас брат Себастьян устало обозрел заваленный бумагами стол. В инквизиционный трибунал уже поступили десятки доносов. Люди спешили обелить себя и свалить вину на ненавистных соседей. Чаще всего брат Себастьян поручал выслушивать весь этот бред второму инквизитору, брату Эстебану. Толстопузый брат Эстебан был специалистом по молоденьким ведьмочкам. Он с особой тщательностью осматривал их нежные тела в поисках дьявольской печати и с выражением крайнего сострадания на лице всаживал булавку в каждое подозрительное родимое пятнышко. Из метки дьявола не должна была идти кровь, а ведьма не должна была чувствовать боли. Печати дьявола попадались редко. Обычно ведьма, когда в ее тело вонзалось булавоочное острие, кричала и визжала, а брат Эстебан ласковым, мурлыкающим голосом объяснял ей: все, что делает святая инквизиция, для ее же, дурочки, блага. Во всем остальном на туповатого и сонливого брата Эстебана нельзя было полагаться. Зато брат Себастьян доверял секретарю – недалекому, но усердному молодому человеку: не слишком вникая в суть дела, он добросовестно записывал все, что говорил допрашиваемый. Существовали и анонимные доносы. Теперь брату Себастьяну предстояло отделить зерна от плевел, дела первостепенной важности, которым следовало немедленно дать ход, от пустословия.

Бартоломе откинулся на спинку стула и взял в руки первый документ.

– Ах, вот как... Некая Тереза Перес родила от дьявола... Кого родила? Монстра с двумя головами и рыбьим хвостом. Это жуткое дитя, к сожалению, исчезло. Еще бы. Сколько раз слышал про подобные вещи, но никогда не видел. И сомневаюсь, что когда-нибудь взгляну на такое чудо. Далее. Ведьма. Шабаш. У авторов таких поклепов убогое воображение. Так. Бенито Лопес торгует приворотными зельями, ядами и еще черт знает чем. Аптекарь, наверное. Проверим. О, некий брат Педро выступает с проповедями перед народом. Обещает скорое пришествие Спасителя. Нужно выяснить, что за околесицу он там несет. Ведьма. Ведьма. Еще одна ведьма. Ничего особенного. А, тайный иудей. Должно быть, ростовщик. Это дело первостепенной важности. Наша святая мать-церковь нуждается в средствах. С него и начнем. А это что такое? Наведение порчи. Подумаешь, сжила со свету пять человек! Мне доводилось слышать о ведьмах, которые извели целые деревни. Вместе со скотом. Теперь следующее. Ага, колдовство.

Донос без подписи. Этот колдун... знатный кабальеро дон Фернандо де Гевара... смотрит по ночам на небо и пытается прочесть по звездам свою судьбу... Действительно, тяжкое преступление... А, и судьбы мира тоже... Это уже размах!.. Еще он гадает по внутренностям животных... и для этого режет кур, голубей, собак и прочих тварей. Ну, само по себе зарезать курицу – это еще не подсудное дело. Ага, еще, – чем дальше Бартоломе читал, тем более серьезным становился. – Ищет философский камень... Какой же маг без этого! Но... растрчивает свое состояние... Гм, видимо золото он пока что не получил, и алхимия его не обогащает, а разоряет... У него имеется тайная лаборатория и он там ставит какие-то богомерзкие опыты...

За чтением этого доноса епископ и застал брата Себастьяна.

Старичок приближался вкрадчивыми, мелкими шажками.

«Пришел-таки, старый хрыч, – подумал инквизитор, – сам пришел, даже ждать себя не заставил, значит, не хочет портить отношения. Но все равно, старый лис, сейчас я с тобой расквитаюсь и за портреты предков, и за Венеру».

– Рад видеть вас, ваше преосвященство, – произнес вслух брат Себастьян, поднимаясь навстречу вошедшему. – Я знал, что всегда могу рассчитывать на ваше содействие... Дело принимает серьезный оборот.

– Что случилось?

– Взгляните, что вытворяет ваша благонравная паства, – инквизитор указал на кучу доносов.

– Не может быть! – воскликнул епископ, торопливо перебирая документы. – Они не могут совершать такое, мои милые дети... Возможно, они не всегда усердны в делах веры, но они истинные христиане и честные труженики...

– Полагаете, все это лжесвидетельства?

– Нет, но...

– Особенно любопытно вот это, – Бартоломе протянул епископу донос на де Гевару. – Взгляните!

Чем дальше Хуан Карранса читал, тем большее недоумение и озабоченность отражались у него на лице.

– Вы его знаете? – поинтересовался инквизитор.

– Кого? Доносчика? Нет, но хотел бы знать!

– Я говорю о де Геваре! Вы его знаете?

– Да... Да... Немного... Видите ли, – промямлил епископ, – небольшой город... Разумеется, я знаю всех окрестных дворян... Кажется, всех... Вероятно...

– Так вы с ним знакомы? – в третий раз спросил инквизитор.

– Совсем немного, – ответил епископ, растерявшись, как будто его допрашивали. – Чуть-чуть... совсем чуть-чуть...

– Вы поддерживали с ним отношения?

– Но я не знал, что он колдун! Подумать только, такой благородный кабальеро – и вдруг колдун! Мне кажется, это неправда!

– Иными словами, перед нами лживый донос?

– Разумеется, разумеется. Ложь и клевета!

– Проверим, – улыбнулся Бартоломе.

– Что вы собираетесь делать?

– Как – что? Исполнять свой долг, само собой.

– Вы хотите его арестовать?

– Конечно! Его необходимо допросить. В противном случае, как я выясню истину?

– Брат мой, – вкрадчиво произнес епископ, – я бы на вашем месте немного повременил... Де Гевара в родстве с благороднейшими фамилиями Испании... Это может не понравиться при дворе... и вообще... знаете ли...

– Знаю! – оборвал его Бартоломе. – Я знаю, что делаю! И, надеюсь, вы тоже понимаете: беспристрастность превыше всего, и я намерен исполнять свой долг, невзирая на лица!

– Может быть, сперва стоит проверить обвинение...

– Вот и проверим, – кивнул инквизитор.

Он знал, чего страшится епископ. Его преосвященство боится потерять свое тепленькое местечко, боится, что вскроется его пренебрежение делами провинции. С его точки зрения, чем меньше громких процессов, тем лучше.

Бартоломе стало даже жаль старичка. Он совсем не хотел портить ему жизнь. Но едва Бартоломе видел перед собой добычу, как тотчас превращался в охотника. Он столкнулся с

хитростью старого лиса и почувствовал себя идущей по следу гончей. И потому Бартоломе продолжал насмехаться над его преосвященством.

– Забудьте о де Геваре, – сказал он. – По крайней мере, на время забудьте. Посмотрите, здесь найдутся обвинения куда более серьезные. Вы почитайте, почитайте!

– Что, еще хуже? – тихо спросил епископ. – Неужели магометане?..

– И последователи поганой ереси Лютера, и дьяволопоклонники... Выбор достаточно богатый.

– Простите, брат мой, – пробормотал епископ, – но мне что-то нездоровится... Возраст, знаете ли... сердце... К несчастью, я должен удалиться...

– Не беспокойтесь, ваше преосвященство, ради вас я постараюсь и отберу самые возмутительные дела, – пообещал Бартоломе, – дня через два-три я сообщу вам...

– Через два-три?

– Доносов слишком много, и они постоянно прибывают. Вы же понимаете, я не смогу разобраться в них за день.

– Что вы, я не тороплю!.. Тем более... я что-то чувствую себя все хуже и хуже... Ах, как колет в боку! До свидания, брат мой... Право, не знаю, смогу ли я принять вас через два-три дня... В моем возрасте легко расхвораться на недели, а то и месяцы...

– Поправляйтесь, ваше преосвященство, ведь если вы сляжете, город останется без пастырских наставлений.

– Останется?..

– Останется, ваше преосвященство. Останется без своего епископа, – безжалостно заключил Бартоломе, – если этот самый епископ не будет во всем содействовать святому трибуналу.

И резко поднялся, давая понять, что теперь разговор действительно закончен, но епископу следует хорошенько подумать, прежде чем противоречить святой инквизиции.

* * *

Федерико Руис, альгвасил⁸ инквизиции, исполнял свой долг со спокойствием философа. Тридцать лет служил он святому трибуналу. Ничто уже не могло его удивить. На его глазах одержимые дьяволом бились в конвульсиях, ведьмы с пеной у рта выкрикивали проклятия, еретики клялись и божились, что они не виновны. Федерико Руис ко всему привык. Он не был набожным человеком. Он просто исполнял свой долг и исполнял неплохо. Когда не был пьян.

На этот раз ему предстояло арестовать колдуна. В сопровождении пяти стражников явился он к дому дона Фернандо де Гевары, знатного сеньора, алхимика и астролога, черно-книжника и поклонника дьявола.

Дверь открыл старый слуга, за которым по пятам следовала борзая собака. При виде вооруженных незнакомцев пес зарычал.

– Тихо, Цербер! – велел ему слуга. – Чем могу служить?

– Нам нужен дон Фернандо!

– Извините, – пробормотал побледневший слуга, – сеньор вряд ли захочет вас принять...

– Никто не спрашивает о его желаниях! Где он?

– В своем кабинете...

– Проводи нас!

Слуга провел стражников через анфиладу комнат. Собака все также следовала за ним, тихо ворча.

– Я доложу сеньору, – сказал слуга, остановившись перед очередной дверью.

– Прочь! Я сам о себе доложу! – распорядился альгвасил.

⁸ Альгвасил – судебный исполнитель, полицейский чиновник.

Он решительно толкнул дверь, и все шестеро ворвались к комнату. Старый слуга последовал за ними, растерянно приговаривая:

– Сеньор, сеньор! Я не хотел, чтобы они вам мешали, но они не стали меня слушать...

Дон Фернандо де Гевара, крепкий чернобородый мужчина лет тридцати пяти, встал из-за стола при виде вошедших.

– В чем дело?

– Вы дон Фернандо де Гевара?

– Разумеется. А вы кто такие?

– Сеньор, эти люди, – пролепетал слуга, – они ворвались, не спрашивая... они угрожали... они... кажется, они хотят арестовать вас! – последнюю фразу старик произнес громким шепотом, словно это слово – «арестовать» – оскорбляло святыню. Старик был бледен, губы его дрожали. Он был глубоко убежден, что его хозяин – не просто человек, он – существо сверхъестественное. С ним нельзя обходиться как с простым смертным. Его нельзя просто взять и арестовать, как заурядного преступника.

– Арестовать? Меня? – удивленно переспросил де Гевара. – Но за что? Я..

– Я не уполномочен отвечать на ваши вопросы! Я должен препроводить вас в... Впрочем, там вам все объяснят! – оборвал его Федерико Руис. – Прошу вас, дон Фернандо, – и альгвасил указал рукой на дверь.

– Так вот оно что, – тихо и как будто задумчиво произнес де Гевара. – Арестовать... Как это мерзко, как подло!..

Он перевел взгляд с равнодушного лица альгвасила на тупые рожи стражников и вдруг решительно заявил:

– Это ошибка! Я никуда не пойду!

– Разумеется, ошибка, сеньор, – подтвердил слуга. – Иначе и быть не может...

– Заткнись! – велел ему один из стражников.

– Мне очень жаль, дон Фернандо, но в таком случае мы будем вынуждены прибегнуть к силе.

– Да? А может, вам приказали меня убить?

– Нет, доставить вас в целости и сохранности, к чему я приложу все усилия!

– Попробуйте! – де Гевара рванул из ножен кинжал, но как только он сделал резкое движение, собака внезапно бросилась вперед и вцепилась в его рукав.

– Господи, помоги! – ахнул слуга. – Цербер взбесился – он напал на своего хозяина!

– Взять его! – велел альгвасил.

Воспользовавшись моментом, стражники навалились на де Гевару и обезоружили. Собаку отогнали ударами алебард.

– Валаамова ослица заговорила, что же удивительного в том, что пес признал в своем хозяине еретика? – философски заметил по этому поводу Федерико Руис.

* * *

Дрожащими руками старик зажег свечу и пристроил ее на хромоногий столик. Причудливые тени заплясали на стенах маленькой комнаточки. С потолка свешивались гирлянды паутины. Кучи мусора и старого, вонючего тряпья валялись по углам, словно здесь никогда не убирали. Сюда никто не мог входить, кроме маленького горбатого крещеного еврея по имени Яго Перальта. Здесь почти не было мебели, за исключением огромных, окованных железом сундуков с массивными навесными замками. Связка тяжелых ключей позвякивала на поясе у Яго, и этот звук казался ему неземной музыкой, приятной, как пение сладкоголосой красавицы, священной, как перезвон церковных колоколов. У каждого человека есть такой потайной

уголок, святая святых, если не в подвале дома, то хотя бы в душе. Всем остальным запрещен вход туда.

Кто-то коллекционирует редкие картины, кто-то собирает старинные книги. Яго всю жизнь копил сокровища. Он наживал их долго, мучительно долго, с ранней юности, начав простым менялой в лавочке около собора св. Петра. Затем он стал ссужать деньги под залог. Сперва к нему обращались полунищие студенты, мелкие торговцы, несчастные вдовы. Но год от года дело ширилось. Тех бедняков, что были вынуждены отдавать еврею последние свои вещи, имевшие хоть какую-то ценность, сменили знатные господа. Немало фамильных драгоценностей перекочевало в сундуки Яго Перальты. Ожерелье распутной графини, тратившейся на красавца-любовника, золотой крест епископа, бриллианты игрока и повесы... Яго помнил историю каждой драгоценности, ее вес и стоимость. Несмотря на свой почтенный возраст – шестьдесят лет – он обладал замечательной памятью. Иное дело – должники. Их было слишком много. И они могли надуть. Еще в молодые годы Яго взял привычку записывать, кому какую сумму он ссудил и под какой процент. Пересматривать свои записи он любил почти так же, как и перебирать сокровища. Отрадно было видеть, что выданная сумма, помещенная в левом столбце листа, раза в полтора-два меньше суммы полученной в итоге и записанной в правый столбец. Впрочем, случались промахи. Не все должники оказывались исправными плательщиками. И далеко не всех можно было посадить в долговую яму. Однажды знатный сеньор, который был должен Яго пятьсот эскудо, спустил на него борзых собак. Яго никогда не забудет этот день. Это было страшно, это было унижительно, это было больно. Укусы зажили, от страха он не умер, а к унижениям за свою долгую жизнь еврей привык. Но борзые в клочья разорвали его штаны. А новые штаны, между прочим, денег стоят. Наипервейшее правило: тот, кто хочет нажить состояние, должен избегать лишних расходов. Так что обновку Яго позволял себе раз в десять лет, не чаще. Новые штаны все же пришлось купить. Потому что без них нельзя появиться ни в одном приличном доме. И что мог поделаться крещеный еврей со знатным сеньором, который, к тому же, пригрозил сдать его в руки святой инквизиции? Только мысленно посылать ему проклятия и желать всяческих неприятностей и на этом свете, и на том.

Но довольно мрачных воспоминаний! У Яго есть то, что всегда может исцелить его израненную душу. Старик откинул крышку одного из сундуков: тот был полон монет различных достоинств, со времен Римской империи до сего дня. Яго погрузил в них свои крючковатые пальцы. Прикосновение к их холодной, чуть шероховатой поверхности давало Яго почти физическое наслаждение. Испанские дублоны, флорины из города герцогов Медичи, венецианские дукаты, золотые иперперы павшей полтора столетия назад империи ромеев, динары с берегов Леванта, гульдены Северной Европы... О, как мелодично они звенят! Как бесподобно они сверкают! О, этот божественный, неземной свет!..

Свет! Он полоснул еврея по глазам внезапно и резко. Он хлынул в этот тайник, в это укромное убежище через настежь распахнутую дверь.

– Кто посмел?! – крикнул старик.

Или только хотел крикнуть? Крик замер у него на устах. Жуткое, отвратительное видение появилось в дверном проеме.

Яго не мог ни закричать, ни пошевелиться, ошарашенный, раздавленный, скованный. Перед ним, в смрадных облаках серного дыма, стоял Люцифер. В лохматой, когтистой лапе он сжимал пылающий факел, с которого стекала едкая смола. Безобразную голову, похожую на волчью морду, венчала пара рогов. Черный голый хвост свешивался из-под черного плаща.

– Я пришел по твою душу, – пророкотал дьявол. – Ты готов?

– А... – пошевелил еврей непослушными губами. – Э...О-о!

И это было все, что он на первых порах мог произнести.

– Что? – не понял дьявол.

– Не готов, – ответил еврей.

Первый шок прошел, и изворотливый ум старика стал лихорадочно перебирать варианты, как ему выкрутиться из неприятной ситуации, в которую он попал так неожиданно-негаданно. Конечно, золото, серебро – это самое ценное, что есть на свете, за исключением одной вещи – собственной жизни. И, прежде всего, надо каким-то образом спасти эту самую драгоценную жизнь. Черти – существа порочные, следовательно, корысть им тоже не чужда.

– Послушайте, сеньор дьявол, – поспешно залепетал Яго. – Зачем вам старый, бедный, несчастный еврей? Что дурного, если я еще на годик-другой задержусь на этом свете? А? Сеньор дьявол, я же не сделал вам ничего плохого...

– Я пришел за тобой! – грозно повторил Люцифер.

Он сделал шаг по направлению к старику. Еврей задрожал.

– Сеньор дьявол, – еще быстрее заговорил он, – я могу откупиться. Вот, смотрите! Дублоны, полновесные золотые дублоны! Возьмите, сколько хотите... Нет? А дукаты? Они ценятся от Лондона до Александрии... Тоже нет? Талеры, франки, динары!.. Ну, вам просто не угодишь! В таком случае, может быть, вам выписать переводной вексель на генуэзский банк?

Дьявол медленно наступал, а старик также медленно отползал на коленях, трясущимися руками открывая один сундук за другим.

– Не хотите денег?.. Тогда драгоценные камни... Изумруды, гранаты, рубины... Разве они вам не нравятся? А ювелирные изделия? Они созданы руками венецианских мастеров... Их не стыдно надеть самой королеве. Они и вам будут к лицу, великолепнейший, прекраснейший сеньор дьявол. Вы только примерьте!

Он швырял под ноги дьяволу золото, серебро, драгоценные камни. Он просил, умолял, плакал, настаивал, скулил, визжал и все отступал, пока не заполз в угол и не уперся спиной в стену. Дальше отступать было некуда.

– Ты, мерзкая тварь, вздумал торговаться со мной?! – взревел дьявол. – Твоя жизнь – вот моя цена!

Дьявол воткнул факел прямо в сундук с монетами. Еврей скрючился в углу – маленькое, жалкое, уродливое существо, больше похожее на кучу старых лохмотьев, чем на человека.

Мохнатая, когтистая лапа дьявола вцепилась в костлявую руку старика. В другой лапе Люцифер сжимал кинжал. Холодная сталь полоснула по руке еврея. Брызнула кровь. Старик не почувствовал боли, только всепоглощающий, леденящий ужас. Яркие языки адского пламени заплясали у него перед глазами, и ему показалось, что он проваливается в преисподнюю.

* * *

Бартоломе задумчиво рассматривал странный документ. Сказать, что инквизитор был озадачен, это означало ничего не сказать. Он был просто изумлен. Разумеется, ему были знакомы тексты договоров с дьяволом, но лишь на страницах трактатов по демонологии. За время своей почти двадцатилетней службы в трибунале брат Себастьян успел повидать многое. Он видел помешанных, которые были убеждены, что общаются с самим Люцифером, что заключили с ним соглашение. Но существование такого соглашения всегда только подразумевалось. А поскольку сами договоры так никогда обнаружены и не были, то Бартоломе, посмеиваясь про себя, решил, что они, вероятно, хранятся в адской канцелярии.

Настоящий договор с дьяволом Бартоломе держал в руках в первый раз. И он никогда не поверил бы в существование такого рода соглашений, если перед ним сейчас не лежала бумага, где черным по белому было написано:

«Я, Яго Перальта, отрекаюсь от Бога, Девы Марии и всех святых, в особенности же от моего покровителя святого Яго, и от святых апостолов

Петра и Павла, Тебе же, Люцифер, кого я лицезрею перед собой, предаюсь целиком и без остатка со всеми делами моими, подписываю и свидетельствую».

Далее следовала подпись – бурая подпись кровью, собственноручная подпись еврея – в этом сомневаться не приходилось.

В другой раз Бартоломе, наверно, посмеялся бы над глупостью старого еврея, который, надо полагать, обменял свою бессмертную душу на успех в торговых сделках. Но еврей был мертв. Утром жена старика обнаружила его скрюченный, почерневший труп. На ее крики о помощи сбежались соседи. При осмотре места происшествия выявились странные обстоятельства. Рядом с трупом был найден приведенный выше документ, неоспоримо свидетельствующий о том, что сам дьявол утащил Яго Перальту прямо в ад. Лицо мертвеца было страшно искажено, словно перед смертью он действительно увидел нечто кошмарное. Само собой, дело передали инквизиции.

Если бы Бартоломе действительно верил в существование черта, дело показалось бы ему очень простым. Крещеный еврей впал в ересь и продал душу дьяволу. По истечении определенного срока черт явился за ним и утащил напрямик в преисподнюю. Оставалось только в назидание всем, кто хочет получить мирские блага ценой последующих вечных мучений, публично сжечь труп старого ростовщика, а прах развеять по ветру. Так, не задумываясь, поступил бы брат Эстебан. Так, посетовав на лишнее беспокойство, поступил бы Хуан Карранса. Так поступил бы любой инквизитор. Бартоломе знал, что и он поступит так же. Так, как надлежало поступить. Но оставалась загадка смерти ростовщика. Потому что Бартоломе а priori был в этом уверен, его убили люди, а не бесплотные духи.

Инквизитор взял со стола серебряный колокольчик. На вызов явился секретарь.

– Составьте мне список тех, кто был коротко знаком с Яго Перальтой, – велел Бартоломе. – Разыщите его родственников, слуг и, если таковые имеются, друзей.

– Я уже навел все справки, – кивнул молодой человек. – Кроме самого Перальты, в доме проживали только его жена и мальчик-слуга, но он исчез...

– Ну так разыщите.

– Это сложно, но я постараюсь.

Через два дня мальчишку действительно притащили в инквизиционный трибунал.

* * *

Перед Бартоломе стоял рыжий, взъерошенный парнишка лет тринадцати-четырнадцати. Он переминался с ноги на ногу и испуганно озирался по сторонам.

– Пабло Рохас?

– Угу.

– Расскажи мне все, что ты видел в ночь смерти твоего хозяина.

– Святой отец, – мальчишка понизил голос до шепота, – в ту ночь я видел самого черта!

При этом Пабло опасливо покосился на окно и на дверь, словно ожидая, что оттуда вполне может появиться нечистый.

– Пабло, давай все по порядку. Как дьявол проник в дом? Через окно? Через трубу?

– Да нет, обычно. Через дверь.

– Он постучал?

– Да. Было очень поздно. По вечерам хозяин не велел жечь свечи, жалко ему, козлу старому... Простите, святой отец! Я не хотел...

– Ладно, ладно. Прощаю. Так ты говоришь?..

– Было совсем темно. Кто-то постучал. Я, как всегда, пошел открывать.

- Ты удивился?
- Чему? К моему хозяину часто приходили поздние гости. Ясно же, темное время – самое подходящее, чтобы обдирать темные делишки.
- Ты не любил своего хозяина, Пабло?
- Да кто же, скажите, его любил?
- Он тебя бил?
- Нет. Он бы меня нипочем не догнал.
- Тогда почему?..
- Он жмот. И если черти забрали его в ад – туда ему и дорога!
- Я думаю, мы с тобой не будем обсуждать справедливость Божьего приговора. Итак, постучали...
- Ну, я открыл.
- Сразу?
- Нет, спросил, кто там.
- Что ответил дьявол?
- Сказал, что пришел вернуть долг. Ему же, пройдохе, честного человека обмануть – раз плюнуть!
- Ты открыл...
- О, святой отец, я со страху, ей-богу, чуть в штаны не наложил. Простите, святой отец... Я хотел сказать, что очень испугался...
- Как дьявол выглядел?
- Честное слово, никогда не думал, что он такой мерзкий!
- На кого он был похож?
- Если взять рога, так вроде бычьи, а морда, кажись, волчья. Лохматая, как у соседского кобеля... Тьфу, опять я не то говорю...
- Ладно уж. Только в следующий раз воздержись от красочных эпитетов.
- От чего... воздержаться?
- Где тебя воспитывали, черт побери?!
- Нигде. Мой отец был погонщиком мулов, пока его не посадили за кражу. Тогда мать определила меня к еврею. Только проклятый жид все равно ничего не платил, чтоб его...
- Хватит! Отвечай только на мои вопросы!
- Да, святой отец.
- У дьявола были копыта?
- Не помню...
- Ты не видел? Было темно?
- Нет. Он светился.
- Кто? Дьявол?
- Ну не я же!
- Еще что-нибудь можешь вспомнить?
- Ага. У него был хвост. Вот с мою руку. Нет, длиннее, с вашу.
- Теперь ты решил сравнить меня с дьяволом!
- Я? Вас? Святой отец, да чтоб у меня язык отсох! Он совсем на вас не похож, и пострашней, и побольше...
- Понятно, – усмехнулся Бартоломе, – сравнение с дьяволом я проигрываю. Итак, у него был хвост...
- Хвостище!
- Ты впустил дьявола...
- Чтобы я впустил черта?! Он сам вошел! И меня не спрашивал!
- Что было дальше?

- Ничего.
 - Ты не слышал никаких криков, никакого шума?
 - Нет, я так припустил!.. И опомнился только у самого собора святого Петра.
 - Когда ты вернулся?
 - Чтобы я вернулся в дом, куда черти в гости ходят?! Нет уж, ни за что! Да и зачем? Ведь, я слышал, черт все равно старого хрыча в ад утащил.
 - Скажи, Пабло, не замечал ли ты за своим хозяином каких-нибудь странностей?
 - Еще бы! Скупее, чем он, на свете не найти!
 - Чем он обычно занимался?
 - Все что-то записывал да считал.
 - А еще?
 - Еще с женой ругался.
 - У него были враги?
 - Ха! Он весь мир ненавидел. От него только и слышно было: «Все вокруг плуты и ворюги, все надуть хотят».
 - И часто его... надували?
 - Нет, я думаю, это старый еврей всех надувал.
 - Может быть, кого-нибудь Перальта особенно не любил?
 - Да он весь город терпеть не мог. Хотя... Был один такой. Сеньор де Гевара. Если еврей про кого-нибудь хотел сказать, что этот человек – последняя сволочь, он говорил: «Такой же злодей, как де Гевара».
 - Почему?
 - Однажды этот сеньор науськал на него собак. Вот была потеха! Я ничего смешнее в жизни не видел. Псы искусили еврею всю задницу. Он две недели сидеть не мог.
 - Можешь назвать других недоброжелателей?
 - Могу. Я сам.
 - А кроме твоей высокой особы?
 - Его все мальчишки с нашей улицы освистывали!
 - И это все?
 - Я же сказал, его никто не любил.
- Бартоломе устало вздохнул. Не похоже, чтобы мальчишка врал, но едва ли этот неграмотный паренек мог сообщить что-либо стоящее.
- Иди домой, Пабло, – сказал Бартоломе. – Думаю, ты мне больше не понадобишься.

* * *

Через два дня в доме де Гевары был произведен обыск. Бартоломе, которого заинтересовало сообщение о тайной лаборатории колдуна, пожелал лично присутствовать при ее осмотре.

Пока приемщик инквизиции и секретарь производили опись имущества де Гевары, Бартоломе, Федерико Руис и два стражника спустились в подвал, где размещалась лаборатория колдуна. По приказу инквизитора до его прихода здесь ничего не тронули. Бартоломе хотел все увидеть собственными глазами и понять, с кем ему предстоит иметь дело: с ученым, тайно ставившим свои опыты, или с сумасшедшим заклинателем демонов. Впрочем, на инструменты колдуна и так никто бы не покусился, у служителей святого трибунала они могли вызвать разве что суеверный ужас. Никаких ценностей в лаборатории не обнаружили. Очевидно, золото де Геваре получить не удалось.

Бартоломе приказал стражникам зажечь как можно больше свечей, чтобы как следует осмотреть длинное, мрачное помещение. С первого взгляда инквизитор понял, что справедливо его второе предположение, и де Гевара – заклинатель бесов.

Посреди подвала, на земляном полу, чем-то острым, вероятно, шпагой, были четко очерчены два круга, вписанных один в другой. Во внутренний круг, в свою очередь, был вписан треугольник. Внутри этого магического круга и должен был находиться колдун, вызывающий демонов.

Справа, на камине, стоял закопченный, почерневший котел и жаровни. Несколько массивных столов были завалены самыми разнообразными предметами. Циркули, карты, глобусы, запечатанные глиняные кувшины, стеклянные колбы с какой-то мутной жидкостью, шкатулки и коробки с порошками, пергаментные свитки, свечи, сальные и восковые, желтые и черные... С потолка свисали связки высушенных трав. На скамью были небрежно брошены черная мантия и широкий пояс с вышитыми магическими символами. На одной из стен было развешено оружие – шпаги, ножи, кинжалы. Бартоломе отметил, что эти клинки, скорее всего, предназначались не для обороны или нападения, а для ритуальных действий – заклятия жертвенного животного или начертания магического круга. Такие клинки, имеющие волшебную силу, как правило, изготавливались самим магом.

В углу Бартоломе обнаружил большой, окованный железом сундук. По счастью, он не заперся.

– Подойди, – окликнул Бартоломе Федерико Руиса и откинул крышку сундука. Оттуда на него пустыми глазницами воззрелся оскаленный череп.

– Боже мой! – пробормотал инквизитор.

Бартоломе знал свою слабость: он был брезглив и при виде подобных предметов испытывал сильное отвращение. К тому же, из сундука как будто шел запах тления, тления и смерти.

Стараясь казаться спокойным, Бартоломе достал череп и положил его на пол. Затем извлек из сундука несколько свертков. Вытряхнул содержимое одного из них. Оттуда с глухим стуком посыпались кости.

– Это еще что такое?

– Гм. Полагаю, что они человеческие, – невозмутимо отозвался Федерико Руис, повертев их в руках. – Видите, вот нижняя челюсть, а это косточки пальцев.

– Где он взял всю эту мерзость, как вы думаете?

– Одно из двух, – рассудил алыгвасил, – либо он убил десяток человек, либо раздобыл где-то несколько трупов или просто скелетов.

– Так убил или приобрел?

– Одно совершенно не исключает другое, – заметил Руис. – Кого-то мог убить, кого-то – выкопать из могилы...

– Господи, что же он делал с этими мертвецами?!

– Вам виднее, – отозвался Руис.

Разумеется, Бартоломе знал, для чего колдуну нужны мертвецы. Приготовление многих бесовских снадобий не обходится без использования каких-либо частей человеческого тела. Причем особенно ценятся трупы висельников и младенцев, умерших некрещеными.

Бартоломе почувствовал, что у него начинает кружиться голова, то ли от вида всех этих пакостей, то ли от недостатка в помещении свежего воздуха.

А Федерико Руис продолжал рыться в сундуке, бесстрастно и методично.

– Взгляните-ка, что я нашел! – воскликнул он.

При одном взгляде на новую находку Бартоломе передернуло: Федерико Руис извлек из сундука высушенную, почерневшую кисть руки.

– А ведь это, если я не ошибаюсь, Рука висельника, – сказал алыгвасил.

– Ты прав, – кивнул Бартоломе, – это засушенная рука висельника. Она служит чем-то вроде подсвечника. Если вставить в неё особым образом приготовленную свечу, по поверью, все вокруг утратят способность двигаться.

– Говорят, Руку висельника обычно используют воры, чтобы усыпить всех жильцов дома, который они собираются обчистить.

– Не думаю, чтобы сеньор де Гевара по ночам обшаривал чужие дома, – натянуто улыбнулся Бартоломе. – Скорее, он просто заинтересовался волшебной силой руки.

– Посмотрим, что здесь ещё найдется любопытного.

Бартоломе понял, что с него хватит.

– Вот что, – сказал он Руису, стараясь больше не смотреть на содержимое сундука, – перебери здесь все вещи и составь их список. А я взгляну, что читал колдун.

И Бартоломе поспешно отошел к книжному шкафу. Краем уха он слышал, как исполнительный служака потребовал себе перо, чернильницу и бумагу.

В шкафу на нижней полке стояли гримуары – руководства по черной магии и, прежде всего, книги, авторство которых одни приписывали израильскому царю Соломону, другие – самому дьяволу, – так называемые «Большой ключ» и «Малый ключ». Бартоломе уже не раз попадали эти «Ключи Соломона», без них не обошлась бы библиотека ни одного настоящего мага.

Затем Бартоломе обнаружил «Grimorium Verum» («Истинный гримуар»), сочинение, принадлежавшее некому египтянину Алибеку и содержащее подробные рекомендации, как следует вызывать дьяволов, и советы по поводу того, к какому демону с каким вопросом нужно обращаться: у кого просить дельного совета, какой может поспособствовать в сердечных делах, какой – найти спрятанные сокровища или же вызвать дождь, град или землетрясение.

Далее следовал ещё десяток подобных же книг, а также руководства по алхимии и астрономии. С литературой такого рода Бартоломе был очень хорошо знаком. Но тут инквизитор обратил внимание на пергаментную рукопись. Это была Liber Spirituum – книга духов, личная книга мага. На каждом развороте слева был изображен символ того или иного демона, справа – заклинание, которое следовало произнести, чтобы этот бес явился. Перелистав рукопись, Бартоломе установил, что де Геваре удавалось вызывать самого Люцифера, устрашающего Вельзевула, развратного Астарота, Асмодея и два десятка других, менее важных чертей. Одной этой книги было достаточно, чтобы отправить её владельца на костер или, в крайнем случае, пожизненно заточить в тюрьму.

Верхнюю полку занимали философские и богословские трактаты. Кроме разрешенных для чтения сочинений Аристотеля, Платона, Сенеки и Лукиана, трудов отцов церкви, здесь также находились книги, признанные еретическими и внесенные в запретительный индекс 1584 года великого инквизитора Гаспара де Кироги.

Федерико Руис оторвал Бартоломе от разбора книг.

– Я сделал все, как вы просили, – сказал он.

– Уже?

– Я старался, – альгвасил развернул список и огласил: «Перечень вещей, обнаруженных в сундуке колдуна де Гевары. Первое. Череп человеческий – три штуки. Второе. Череп собачий – одна штука. Далее. Челюсть, тоже человеческая – пять штук. Кости, непонятного происхождения – тридцать восемь. Свечи восковые – пятнадцать. Уже упоминавшаяся Рука висельника – одна штука».

– Все?

– Что вы! Далее. «Мыши сушеные – пятьдесят четыре штуки».

– Что?

– Я говорю, мыши. Сушеные трупы.

– Пятьдесят четыре?

– Да, пятьдесят четыре мышки. Думаю, со счета я не сбился.

– Ничего, – глухо произнес Бартоломе, – если ты и просчитался на пару штук – это несущественно.

– Далее. Лягушачьи лапки. Что-то около сотни. Я не успел сосчитать.

– Что-что?

– Лягушачьи лапки, – серьезно повторил Руис. – Около сотни. Далее...

– Хватит! – оборвал его Бартоломе, чувствуя, что к горлу подкатывает тошнота. – Перепиши список набело и отдай секретарю. Я потом посмотрю.

– Пересчитать?

– Что пересчитать?

– Лягушачьи лапки.

Иногда Бартоломе не мог надивиться пронизательности и догадливости старого альгвасила, иногда же приходил в полное замешательство от его тупости. Федерико Руис знал все повадки и привычки ведьм и колдунов, умел отыскать любой тайник, на службе сохранял хладнокровие и присутствие духа, но при всем при этом отличался полным отсутствием чувства юмора и многолетним пристрастием к выпивке.

Бартоломе усмехнулся и кивнул.

– Пересчитай.

Пока инквизитор рылся в книжном шкафу, а стражники пытались угадать истинное назначение астробии, старый альгвасил, стоя на коленях возле сундука, усердно пересчитывал лягушачьи лапки. Через полчаса Бартоломе получил абсолютно точную цифру: сто двадцать две.

* * *

Альгвасил инквизиции Федерико Руис был, по общему признанию, в своем роде человеком замечательным: никто никогда не видел его полностью трезвым, но никто никогда не видел его и совершенно пьяным. Проще говоря, он всегда был немного навеселе. Тем не менее, он всегда исправно выполнял свои обязанности, а по воскресеньям регулярно посещал церковь. Словом, он был хорошим служащим и добрым католиком. К тому же, несмотря на свое вечное полупьяное состояние, альгвасил отнюдь не был глуп. «Проверим, правду ли говорят, что *in vino veritas*⁹», – сказал себе Бартоломе, глядя в задумчивые, слегка затуманенные глаза Федерико Руиса. Инквизитор надеялся, что альгвасил хотя бы отчасти поможет ему прояснить эту самую *veritas*, потому что он был одним из первых, кто оказался на месте преступления: соседи, сбежавшиеся на крик жены ростовщика и обнаружившие рядом с трупом договор с нечистой силой, тотчас донесли об этом происшествии инквизиции.

– Как вы думаете, мог ли дьявол утащить душу еврея в ад? – слегка улыбнувшись, осведомился Бартоломе.

– Пожалуй, мог, – уклончиво ответил Руис, внимательно приглядываясь к собеседнику, словно оценивая, насколько инквизитору можно доверять.

– И утащил?

– Думаю, да. После смерти.

– То есть сначала дьявол убил Перальту?

– Святой отец, – произнес альгвасил, и Бартоломе показалось, что он даже усмехнулся, – вы когда-нибудь видели, чтобы черти кого-нибудь убили?

– Признаюсь, это первый случай.

– А я вообще никогда ничего подобного не встречал.

– Вы хотите сказать, что нечистая сила не имеет никакого отношения к смерти Яго Перальты?

– Имеет, наверное. Преступления ведь совершаются по наущению дьявола, не так ли?

⁹ В вине истина. *Лат.*

- Но этим его участие и ограничивается?
- Послушайте, святой отец, я человек простой, неученый, и едва ли смогу вам как следует объяснить, в какой степени в преступлении повинен дьявол, а в какой – сам убийца.
- Итак, было совершено убийство? – напрямик спросил Бартоломе.
- Без сомнения.
- Почему вы так решили?
- Святой отец, я за свою жизнь всякого насмотрелся. Видел и утопленников, и удушенных, и зарезанных, и отравленных... Всякое бывало. Так вот, я со всей определенностью могу вам сказать: Яго Перальта был отравлен.
- По каким признакам?
- Труп почернел.
- Но каким же образом его отравили?
- Я полагаю, убийца нанес ему рану отравленным оружием: шпагой, ножом, например... У еврея на левой руке был надрез.
- Но мальчишка, слуга Перальты, уверяет, что видел черта собственными глазами. Думаете, он врёт?
- Весьма вероятно. Слуги вообще народ нечестный, а этот прохиндей Пабло в особенности. Я выяснил: его отец попался на воровстве.
- Допустим, мальчишка соврал. Но ради чего?
- Чтобы не выдавать имя настоящего убийцы. Может быть, он его хорошо знает, может быть, запуган...
- Пожалуй, я согласился бы с вами, – задумчиво произнес Бартоломе, – если бы не два обстоятельства. Во-первых, наличие договора с дьяволом. Вы видели этот документ, не так ли?
- Ну да, ведь я должен был осмотреть труп... Бумага была испачкана кровью.
- В таком случае, вам не кажется странным, что история о черте, которую рассказывает парнишка, так хорошо согласуется с содержанием документа?
- Я что-то не понимаю, святой отец, что вы хотите этим сказать?..
- Я хочу сказать, что, если исключить чистую случайность, такое совпадение возможно лишь в двух случаях: либо мальчишка действительно видел дьявола, либо знал о договоре с нечистым. Последнее едва ли возможно: мальчик совершенно неграмотный.
- Он мог что-нибудь об этом слышать.
- Полагаете, о таких вещах распространяются?
- Ему могли объяснить, что нужно говорить.
- И Пабло – сообщник убийцы? В таком случае, он не стал бы признаваться в ненависти к еврею и вообще постарался бы отвести от себя подозрения.
- В таком случае, я ничего не понимаю...
- Я тоже, – вздохнул Бартоломе. – Во-вторых, вы знаете, Яго Перальта был сказочно богат. И тем не менее на его сокровища никто не покушался. Монеты, драгоценности были разбросаны по комнате, как мусор. Но ничего не пропало. Открою вам секрет: записи еврея и сумма, обозначенная в реестре приемщиком инквизиции, полностью совпадают. Убийца не был грабителем. У вас есть какие-нибудь соображения по этому поводу?
- Допустим, личные счета... Перальту здесь не любили.
- Но и со стороны мстителя глупо было бы не воспользоваться такой возможностью.
- Значит, убийца либо не нуждался в деньгах, либо он... малость не в себе.
- Либо это был сам черт! – раздраженно закончил Бартоломе. – Вы можете идти, сын мой. Сбитый с толку альгвасил поспешно вышел.
- «Отправился в ближайший трактир, надо полагать, – подумал Бартоломе, – прочищать мозги. Очень неглупый человек этот Федерико Руис, жаль, что такой пьяница. Если б дело расследовал он, может быть, он и докопался бы до истины. Гм. И тем самым лишил бы святой

трибунал поживы. Нет уж, пусть лучше отправляется в таверну, а с убийством я и сам разберусь. Похоже, я почти убедил Руиса, что к еврею явился сам дьявол.

Но случай действительно интересный. Ни разу не сталкивался ни с чем подобным. Сколько лет служу в трибунале, а настоящий договор с дьяволом держу в руках впервые. Любопытно, какому мерзавцу пришло в голову составить подобный документ? Понятно, это был не еврей. Если он чему-нибудь и молился, так это был золотой телец.

Что я могу предположить? Некто, по свидетельству очевидца – сам дьявол, по утверждению Руиса – недоброжелатель, проник в дом Яго Перальты, для отвода глаз заставил его подписать договор с нечистой силой, нанес ему рану отравленным клинком, наконец, привел комнату в полнейший беспорядок, однако не позарился на богатства еврея, ничего не взял и исчез. Безумие! Мне кажется, в существование дьявола я не поверю, даже если увижу его собственными глазами. Все становится на свои места только в одном случае – если убийца действительно выглядел как посланец ада. Предположим, на нем было что-то вроде маскарадного костюма... Думаю, что Пабло не соврал: он действительно встретился с чертом. Иначе как объяснить, что этот сын вора даже не попытался обчистить открытый тайник, а что есть мочи бросился бежать от дома ростовщика?

Что я теперь должен делать? Разыскивать сумасшедшего преступника? Но у еврея сотни врагов. Опросить всех? Сомневаюсь, что это приблизит меня к разгадке. Все равно никто не сознается, а улик у меня нет. Еще раз вызвать на допрос мальчишку? Но, по-моему, вопреки подозрениям Руиса, мальчик выложил все, что знал. И я сильно удивлюсь, если окажется, что сорванец Пабло, после того как его напугал черт, а затем вызвали в трибунал, не сбежал от греха подальше. Но для начала попробую поговорить с женой ростовщика, может быть, она сообщит мне что-нибудь стоящее.

Не переусердствуй, друг мой, – посоветовал Бартоломе сам себе напоследок, – ростовщика в любом случае надо признать колдуном – нельзя упускать такое богатство».

* * *

– Все своими глазами видела, своими глазами! И под присягой готова подтвердить! Да неужели я, святой отец, врать стану?! Истинный крест, истинный крест! Никогда ничего не утаивала, не утаиваю и впредь не утаю! Я, святой отец, наоборот, в своей жизни если от чего и страдаю, так это от чрезмерной честности. Дело то ведь известное – правда всем глаза колет. Никто ее не любит, правду-то. Взять хотя бы эту же Франсиску Альварадо, сколько я ей говорила: стерва ты, стерва, веди себя по-человечески, а то Бог – он ведь все видит – накажет тебя, непременно накажет, еще как накажет!.. Да разве она послушает? Куда там!..

У Бартоломе было такое чувство, словно его оглушили. Каталина Мендес, толстая, неопрятная женщина лет пятидесяти, говорила быстро, громко, взхлеб, перебивая сама себя, и остановить ее не было никакой возможности. Ее двойной подбородок трясся, заплывшие глазки бегали из стороны в сторону, а руки беспрестанно теребили складки на юбке. Она очень сильно напоминала упитанную свинью, правда, ей доставало невозмутимости и спокойствия этого животного.

Каталина Мендес пришла с доносом в святой трибунал одной из первых и заявила, что ее соседка Франсиска Альварадо – ведьма, что по ночам она летает над городом (очевидно, на шабаш, куда же еще?), торгует приворотными зельями и другими бесовскими снадобьями и вообще гадина, каких свет не видывал.

Бартоломе морщился. Он любил красивых женщин – Каталина вызывала у него отвращение.

Второй инквизитор, брат Эстебан, по своему обыкновению, находился в дремотном состоянии, а болтовня Каталины, видимо, еще больше его усыпляла.

В углу усердно скрипел пером секретарь.

– Уймись, дочь моя! – Бартоломе наконец удалось вставить пару слов, когда Каталина на мгновение замолчала, чтобы набрать воздуха перед очередной тирадой. – И постарайся только отвечать на вопросы, которые я буду тебе задавать. Итак, что ты видела?

– Летала она, Франсиска эта, вот истинный крест, летала! И все, стерва, над моим садом! Летала бы себе над своим, если ей так приспичило, так нет же – обязательно над чужим! Оно понятно, на чужое добро все падки... Особенно, если добро это – последнее, что осталось у женщины честной, беззащитной, вдовы... у меня, в общем.

– Она у тебя что-нибудь украла?

– Да она, змея, мне столько крови попортила, что и сказать страшно! Вы бы, святой отец, могли спокойно спать, если б над вашим садом ведьмы летали? Нет? Вот то-то и оно! И я не могу. Каждую ночь, как выгляну в окно, так сразу и вижу: соседка-то моя, – Бог ты мой! – в чем мать родила висит над моими грядками! А то полетит куда-то к чертям, над крышами, все выше, выше, да и сгинет...

– Она летала одна?

– Когда одна, а когда и с дочерью. Обе они, дьявольское отродье, со свету меня сжить хотели. Конечно, я женщина одинокая, беззащитная, меня всякий обидеть может, а они, ведьмы проклятые, только и думают, как бы навредить добрым христианам. Дочка-то, почитай, еще хуже матери будет...

Тут брат Эстебан, до этого мирно дремавший, вдруг вздрогнул, поднял голову и поинтересовался:

– Сколько же лет ее дочери?

– Семнадцать, святой отец, никак не больше. С виду-то она такая скромница, только все это обман, одна видимость. Душа у нее черная, как безлунная ночь, как сажа...

– Надо же, – с деланным сожалением вздохнул брат Эстебан, – такая юная и уже такая порочная.

– Порочным можно быть в любом возрасте, – заметил Бартоломе, выразительно посмотрев на своего коллегу.

– Совершенно с вами согласен, – тихо ответил тот, смиренно склонив голову.

– Каким образом, дочь моя, Франсиска Альварадо и ее дочь вредили тебе?

– Яблоня у меня под окном засохла – кто виноват? Она, колдунья проклятая! Собачонка моя подохла – кто, спрашивается, порчу навел? Все она, проклятушая! А на прошлой неделе захворала я – неужели, думаете, тут без сглазу обошлось? Кому же виноватой быть, как не ей?

– Что еще такого богомерзкого совершила Франсиска Альварадо?

Каталина не заметила иронии в словах инквизитора. Она уверенно сообщила, что, по ее мнению, за последние десять лет в провинции не приключилось ни одного бедствия, к которому не была бы причастна ее соседка. Франсиска Альварадо несла ответственность за любую засуху или бурю, за каждый ураган или неурожай.

– Это очень важный случай, – высказал свое мнение брат Эстебан, после того как допрос доносчицы был закончен и секретарь зачитал ей показания, с которыми Каталина Мендес полностью согласилась и наконец-то убралась восвояси. – Колдуний нужно немедленно арестовать.

– Распорядитесь, – пожал плечами Бартоломе.

Дело не представлялось ему интересным. Прежде всего, он не поверил ни единому слову Каталины. Он был уверен, что речь идет всего лишь о ссоре двух соседок, одна из которых решила упечь другую в тюрьму. Но брат Эстебан хотел заполучить в свои руки молоденькую колдунью. И пока что Бартоломе не видел причин препятствовать этому.

* * *

Франсиска Альварато на первом допросе ни в чем не призналась. На вопросы отвечала кратко, с чувством собственного достоинства. Она упорно и без всякого смущения повторяла, что она добрая христианка. Наведение порчи? Полеты на шабаш? Это полный вздор. Ее оклеветали. У нее в доме нашли различные травы? Она изготавливала настои и продавала их? Да, но что это доказывает? Разве Бог запрещает лечить людей? Откуда она узнала о целебных свойствах тех или иных растений? От своей бабушки. Где она? Умерла. Умерла очень давно. Ее муж? Он тоже умер. Точнее, у нее не осталось надежды, что он жив. Он был моряком. У него было собственное судно, правда, небольшое. Он совершал рейсы на Сицилию и Майорку. Однажды он не вернулся. Это было семь лет назад. Море поглотило очередную жертву. Франсиска осталась с десятилетней дочерью. Они должны были как-то жить. Вот тогда-то она и вспомнила о своем искусстве. Дочь помогала ей? Тут в глазах Франсиски впервые мелькнула тревога. Нет, никогда. Девочка ни в чем не виновата. Франсиска всегда воспитывала ее как истинную христианку. Долорес каждое воскресенье посещает церковь, регулярно исповедуется. Если не верите, спросите приходского священника. У брата Себастьяна не было оснований ей не верить.

На следующий день допрашивали дочь Франсиски, Долорес. Разумеется, не обошлось без брата Эстебана, уж он-то не мог пропустить допроса молоденькой колдуньи. Присутствовал даже епископ, очевидно, решил показать, что принимает деятельное участие в работе трибунала. Впрочем, он не произнес ни слова, только шурил свои маленькие, маслянистые глазки.

Когда Долорес ввели в зал допросов, Бартоломе содрогнулся. Он узнал ее. Это была именно она, девушка, попросившая у него благословения на ступенях собора. Девушка, чей восхищенный и доверчивый взгляд он долго не мог забыть. «Надеюсь, вы с ней больше никогда не встретитесь, – вспомнил он пожелание Санчо. – Было бы лучше, если б ей никогда не пришлось иметь дело с инквизицией».

Вопреки обыкновению, в течение всего допроса Бартоломе молчал. Вопросы задавал брат Эстебан.

Как и мать, она все отрицала. Или говорила, что ничего не знает.

Бартоломе лишь удивлялся тому, каким выразительным может быть ее взгляд. Какое странное сочетание: испуг и вызов, точнее, борьба со страхом и желание помериться силами с судьбой. И еще – надежда. «Бедная девочка, ты думаешь, что перед тобой строгие, но справедливые судьи. Они безжалостно карают порок, но снисходительны к невинным. Они во всем разберутся, они будут беспристрастны. Как же! Присмотрись-ка к ним повнимательней! Присмотрись! Вот, справа от меня епископ. Такой добрый, снисходительный старичок. Он шуруется, но глазки его искрятся. Подумать только, старый осел еще заглядывается на красивых девочек! Хитрая старая бестия!» Бартоломе обернулся к брату Эстебану. «А ему, девочка, доверяй еще меньше. Держу пари, что сейчас он уже представляет тебя на дыбе. Ишь ты, как заинтересовался, вытаращился, толстый боров! Оба они увидели, какая ты красивая, девочка... И не на дыбе твое место, а...» Взгляд Бартоломе встретился со взглядом брата Эстебана. «Живодер», – мысленно сказал брат Себастьян своему соседу. «Кобель», – ответил тот. Оба поняли друг друга.

А потом Бартоломе поймал взгляд Долорес. И столько в нем было надежды и мольбы о помощи, что инквизитор невольно отвернулся, отвел глаза, смутился, быть может, впервые в жизни. И невольно почувствовал себя виноватым.

– Не кажется ли вам, что к этим упорствующим еретичкам следует применить пытку? – после окончания допроса вкрадчиво поинтересовался брат Эстебан.

– Нет, – резко ответил Бартоломе. – Не кажется!

А потом он остался один в опустевшем зале и долго сидел, обхватив голову руками.

Они ни в чем не виновны. Ни мать, ни дочь. Даже если они и в самом деле торговали травами – какие пустяки! Отпустить с миром. Просто отпустить. Ах, если б это действительно было так просто! Существуют еще тупица-Эстебан и собака-прокурор. Очевидные истины придется доказывать. А еще... в конце концов существую я сам! «Она в твоей власти, Бартоломе, – шепнул ему бес в правое ухо. – Конечно, ты ее отпустишь... Потом. В самом деле, разве лучше будет, если она достанется похотливому старикашке или повиснет на дыбе к вящему удовольствию живодера Эстебана?..»

* * *

При виде чужих страданий брат Эстебан испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие. Эту странность он заметил у себя давно, еще в детстве, лет шести-семи. Тогда его старший брат избил собаку, стащившую со стола кусок мяса. Он стегал ее попавшейся под руку веревкой, собачонка забилась в угол и дико, с каким-то присвистом, визжала. Брат словно с ума сошел: он никак не мог остановиться, все хлестал ее и хлестал. А маленький мальчик стоял и смотрел. Ему было интересно, чем все это закончится, почему-то приятно и немного страшно. Позже он сам попытался избить собаку. Он пару раз огрел ее длинным ремнем, но собачонка оскалилась, полоснула его острыми зубами по щиколотке и бросилась наутек. Все его первые попытки истязать другое живое существо позорно провалились. Он попробовал вырывать перья у соседских куриц из хвостов, но за этим занятием его застал сосед, слышавший шум во дворе, поймал мальчишку и едва не открутил ему ухо. Выдергивание усов у кошки тоже закончилось плачевно – расцарапанными руками. Получив такого рода уроки, он надолго оставил игру в палача.

Со временем брат Эстебан почти забыл о своих детских впечатлениях. Но однажды все до поры подавленные, дикие, животные чувства вдруг проснулись в его душе и уже впредь не отпускали. Он тогда был секретарем инквизиционного трибунала, и в этом качестве ему довелось впервые присутствовать на допросе с пристрастием. В пыточную камеру привели девочку лет пятнадцати. Ее раздели, вздернули на дыбу, тонкие руки были вывернуты из суставов. Потом ее секли. Сперва она кричала, молилась, призывала Иисуса Христа и Деву Марию, затем только вздрагивала и тихо стонала. Брат Эстебан смотрел во все глаза и как будто не просто слушал, а каждой своей частичкой впитывал ее всхлипы и стоны, он не замечал ничего, кроме этих стонов, он не видел ничего, кроме ее нежной кожи в тонких струйках стекавшей по спине алой крови. Никогда до этого он не испытывал столь сильного блаженства. Кажется, он даже забыл о своей обязанности вести протокол допроса. Но эта девочка, в сущности, ничего и не сказала... Когда ее тело бессильно обмякло, ее отвязали. «Все? Уже все?» – с отчаяньем спросил себя брат Эстебан. Возможно, он произнес эти слова вслух, сейчас он не смог бы вспомнить. Он понял только одно: он больше не сможет жить, еще раз не испытав такого же сильного наслаждения чужой болью. Он будет видеть пытки во сне, рисовать их в мечтах, он будет ждать, глубоко в душе схоронив тайну открытого им наслаждения. Лишь бы у него не отняли этот источник радости!

С тех пор брат Эстебан не пропускал ни одного допроса с пристрастием. Он связал свою судьбу со святым трибуналом и в конце концов стал инквизитором. Его почти не интересовали обрюзгшие бабы и грубые мужчины, только нежные, стройные юноши и девушки. К сожалению, брат Себастьян, возглавлявший трибунал, не часто баловал его подобным зрелищем. Нет, брат Себастьян никогда ни в чем не упрекал брата Эстебана, но когда брат Эстебан замечал ироничный, насмешливый взгляд брата Себастьяна, ему казалось, что тот видит его насквозь и знает о его тайной страсти. Брат Эстебан никогда не спорил с главой трибунала, никогда не противоречил, покорно соглашался со всеми его приговорами, так что фактически Бартоломе принимал единоличные решения. Брат Эстебан готов был целыми днями сидеть и молчать во время длинных, нудных процессов, ни во что не вмешиваясь и ни во что не вникая,

лишь бы потом получить наконец часок-другой долгожданного счастья. Но если заключенного было необходимо подвергнуть пытке, брат Себастьян, как будто в благодарность за длительное смирение и покорность брата Эстебана, поручал это дело ему. Брат Эстебан знал, почему брат Себастьян терпит его и даже относится снисходительно – потому что сам не любит пыток. Он, внешне бесстрастный и холодно-насмешливый, на самом деле прячет под этой маской собственную впечатлительность.

Брат Эстебан до тонкостей изучил всю процедуру ведения подобного допроса. Сперва было предвкушение удовольствия. Палач и его подручный деловито и методично готовили инструменты, разжигали огонь в очаге, а брат Эстебан уже мелко дрожал от возбуждения. У него и правда иногда начинали трястись руки и он прятал их под столом.

Потом приводили жертву, обычно бледную, с округлившимися от страха глазами, но иногда, такие иногда попадались, – настроенную весьма решительно. Брат Эстебан, как и полагалось, еще раз предлагал ей покаяться, сознаться во всех заблуждениях, отречься от ереси и не доводить дело до необходимости применить пытки. Он задавал этот вопрос с внутренним содроганием. Случалось, что ведьма малодушничала, просила о примирении с церковью, а он лишался долгожданного зрелища.

От природы брат Эстебан не был слишком умен, но годами скрываемаемая от людей тайная страсть и ощущение собственной греховности и порочности, сделали его мнительным и подозрительным. И потому он понимал, что считанными часами или даже минутами выпадавшего ему блаженства нельзя злоупотреблять и чрезмерно истязать жертву. Страх лишиться той редкой, но захватывающей радости, которая заставляла трепетать все его существо, страх перед всеведущим братом Себастьяном заставлял его держаться в пределах разумного и, затаившись, ждать, ждать неделями, месяцами, когда же он вновь сможет испытать сладостное чувство наслаждения чужими страданиями.

Он надеялся, что с момента основания в городе инквизиционного трибунала, в провинции, где, по слухам, гнездилась ересь, у него не будет недостатка в тайных радостях. Как он ошибался! Целый месяц он был вынужден ждать! Наконец ему показалось, что его надежды вот-вот осуществятся. Появилась Долорес. Упорствующая. Девушка поразительной красоты. Уже одна мысль о том, что ее нежное, смуглое тело будет привязано к «кобыле» или повиснет на дыбе, вызывала у брата Эстебана сладостную дрожь. Лишь бы она не раскаялась!

«Кажется, эта девочка не испугается, – утешал себя брат Эстебан, – уж очень горячо она защищала себя и свою мать. Любопытно, будет она кричать? Наверное, да. Многие кричат. Некоторые, впрочем, молчат, стиснув зубы. Глупые. Какой в этом прок? Когда ведьма кричит – интереснее. Заметнее, что она страдает. Я заставлю ее кричать».

К сожалению, у брата Себастьяна была еще одна премерзкая черта, которая доставляла брату Эстебану немало хлопот. Брат Себастьян любил хорошеньких женщин. И зачастую его слишком мягкие приговоры в отношении молоденьких ведьмочек объяснялись отнюдь не их невиновностью, а смазливой внешностью. Брат Эстебан не без оснований подозревал, что снисходительность брата Себастьяна к красивым колдуньям была не вполне бескорыстной. Брат Эстебан догадывался о плутнях Бартоломе, злился, но, по понятным соображениям, молчал.

«И главное, – обиженно размышлял любитель пыток, – зачем ему эти ведьмы? Девки и так вешаются на него, словно в нем есть нечто особенное!» Как уже давно успел заметить брат Эстебан, Бартоломе пользовался успехом у женщин, хотя и не прикладывал к этому особых усилий. В тайне брат Эстебан завидовал брату Себастьяну, потому что на него самого ни одна женщина не смотрела иначе как с отвращением, хотя, как ему казалось, он отнюдь не был уродом, разве что за последнее время слегка располнел. И сейчас, с безошибочной проницательностью заинтересованного человека, брат Эстебан определил, что Бартоломе положил глаз на Долорес. Чертов распутник! Не нашлось бы таких проклятий, каких брат Эстебан мысленно не послал бы брату Себастьяну, видя, как жертва прямо-таки ускользает у него из-под носа.

* * *

Долорес не бросили в карцер. Камера, куда ее поместили, вовсе не была мрачным, сырым подземельем. Ее стены были холодными, шершавыми, но вполне сухими. Оконце под потолком выходило на солнечную сторону, и Долорес не страдала от постоянной темноты, как узники подземных казематов. Она могла видеть кусочек голубого неба.

Ложем ей служила кровать с колючим матрацем, набитым соломой. И все же это была не куча гнилого тряпья, на котором зачастую приходилось коротать дни и ночи узникам инквизиции.

Завтрак, обед и ужин ей заменяли кусок хлеба и кувшин воды. Но Долорес не была избалованной девочкой из богатой семьи и умела стойко переносить лишения. К тому же, ей не хотелось есть. Она была настолько потрясена случившимся, что совсем не ощущала голода.

Арест стал самым ужасным событием за всю ее коротенькую жизнь. Исключая, может быть, смерти отца. Но тогда она была десятилетней девочкой и не могла переживать слишком долго. В отличие от матери, для которой смерть мужа была страшным ударом.

Раннее детство Долорес было безоблачным. Ее окружала любовь. Отец и мать, которым Бог послал единственную дочь, души в ней не чаяли. А она восхищалась ими обоими.

Отец имел собственное небольшое судно, фелуку «Долорес». Он перевозил товары на Сицилию и Балеарские острова, а своей дочке привозил разные диковины – большие раковины, обточенные морем разноцветные камешки, а иногда даже маленькие жемчужины.

Франсиска Альварадо, в девичестве де Арельяна, принадлежала к старинному дворянскому роду. Она вышла замуж за отважного моряка вопреки воле родителей, и они отреклись от нее. Тем не менее, Франсиска была счастлива, и только частые отлучки мужа огорчали ее. Мать не раз просила отца бросить опасное ремесло и найти для «Долорес» дельного шкипера. Но отец всегда отказывался.

– Дорогая моя, – говорил он, обнимая жену, – ты прекрасно знаешь, все что я делаю, я делаю для тебя и для дочери. Мне тоже тяжело расставаться с вами. Но неужели ты хочешь, чтобы я всю жизнь провел около твоей юбки?

Франсиска вздыхала, но не спорила. Она и сама понимала, что именно таким и полюбила его – бесстрашным, готовым встретиться лицом к лицу с любой опасностью, полюбила капитана корабля, а не тихого домоседа.

Однажды он не вернулся... Море, постоянно требующее человеческих жертвоприношений, на этот раз выбрало его.

Франсиска написала родным, но не получила ответа. Чванливое дворянство не пожелало признать своей женщину, нарушившую устои общества. И Франсиска поняла, что ей придется рассчитывать только на собственные силы. И тогда она вспомнила о ремесле, которому когда-то научилась у своей бабушки. С трудом ей удавалось сводить концы с концами. Впрочем, в отличие от родителей, друзья мужа не забывали ее.

Иногда в душе Франсиски шевелилось подозрение, что она добывает средства к существованию способом, не одобряемым церковью. Но в их городке все было тихо и спокойно. До прибытия инквизиторов.

А Долорес не знала за собой никакой вины. Первое время она надеялась на беспристрастность и справедливость судей, которые в ее глазах были почти святыми. Они должны были во всем разобраться и понять, что и она, и мать – жертвы какого-то недоразумения. Но чем больше она присматривалась к толстому, вкрадчивому брату Эстебану или к хитроватому епископу, тем меньше им верила. Шли дни и недели, а судьи, как будто, не торопились восстанавливать

справедливость и отпускать их с мамой на свободу. Оставался только декан¹⁰ инквизиторов. Неужели и этот человек, с виду такой умный и благородный, тоже бросит ее? Мысленно она молила его о помощи, захлебываясь в безмолвном крике. Неужели он не услышит ее?

Он услышал. То есть, сперва ей показалось, что услышал. Однажды дверь ее камеры отворилась, и вошел он. Она словно окаменела. Она одновременно и верила и не верила. Она не знала лишь одного: разговоры инквизитора один на один с обвиняемым были строжайше воспрещены. Брат Себастьян сознательно шел на нарушение закона, и одно это могло бы насторожить ее, будь она хоть чуть-чуть опытнее.

– Я готов освободить тебя, – сказал он. – Но за это тебе придется заплатить.

– Но у нас ничего нет, – возразила Долорес. – Разве вы не знаете? Мы бедны...

Инквизитор негромко рассмеялся, окинул ее взглядом, и под этим взглядом Долорес вдруг почувствовала себя очень маленькой и беззащитной. Он ничего больше не произнес, но в ее голове уже промелькнула догадка. Сначала она не поверила сама себе. Она просто не могла поверить в такое беззаконие! Но инквизитор как будто прочел ее мысли.

– Я вижу, ты поняла, – улыбнулся он. – Ну так как?..

Он задал этот вопрос насмешливо-безразличным тоном, так, как будто заранее знал ее ответ, точно он играл с ней, как кошка с мышкой.

– Нет! – воскликнула она, отшатнувшись. – Нет, нет, нет!

– У тебя нет другого выхода, девочка, – спокойно объяснил он.

– Есть! – возразила она. – Есть! Я могу принять все, что уготовано мне судьбой, безвинно пострадать, вынести любое наказание... умереть наконец!

– Глупо, – сказал инквизитор, – глупо в семнадцать лет страдать и думать о смерти, когда можно радоваться жизни, когда можно получить свободу и, кстати, вернуть конфискованное имущество.

– Ценой позора и бесчестья!

– В таком случае, весь мир пребывает в позоре и бесчестье и, тем не менее, до сих пор не провалился в преисподнюю. К тому же, я вовсе не злодей и не чудовище, вскоре ты сама в этом убедишься.

– Нет!

– У тебя нет выхода, девочка, – повторил инквизитор. – Я допускаю, что ты не боишься смерти. Не боишься своей смерти. А смерти близкого человека? Не забудь, девочка, здесь твоя мать. И она разделит твою судьбу, пройдет через те же мучения, что и ты. Поразмысли об этом, моя милая.

Долорес вздрогнула.

– Вот видишь, ты уже колеблешься.

– Допустим, – прошептала она, – допустим, я... приму ваше предложение. Но как я могу вам поверить? А что, если вы обманете меня?

– Что ж, договоримся так. Сначала я исполню свое обещание, потом ты исполнишь свое. Идет?

Она недоверчиво посмотрела на него.

– Я не требую у тебя платы вперед. Ты расплатишься после. Подумай. Я даю тебе два дня срока.

Он ушел, а Долорес разрыдалась, уткнувшись лицом в жесткий матрац. «Так не должно быть, так не должно быть!» – твердила она, захлебываясь слезами. За свою короткую жизнь она уже успела столкнуться с жестокостью и несправедливостью этого мира. Почему же сейчас ей было так больно? Ведь тот позор, через который предстояло ей пройти, верно, был не худшим злом, чем приговор инквизиции и, возможно, вечное заточение. Почему? Потому что она

¹⁰ Человек, возглавлявший инквизиционный трибунал.

получила удар от руки человека, которого до этого почитала почти святым. И тут в ее голове возникла совершенно новая мысль. Слова, как будто, были те же, но смысл их был абсолютно иной. «Все должно быть совсем не так! Совершенно не так!» Но надеяться на то, что отец Себастьян вдруг осознает всю низость своего поведения и передумает, не приходилось...

Через два дня инквизитор вновь вошел в ее камеру.

– Ну? – спросил он только.

И Долорес побелевшими губами прошептала:

– Согласна...

– Иного я и не ожидал, – кивнул он.

Сжавшись в комочек, она ждала того, что последует дальше. Но он заговорил совсем о другом.

– А теперь, дочь моя, вспомни, нет ли у тебя или у твоей матери недоброжелателей, тех, кто был бы готов погубить вас, не побрезговав даже лжесвидетельством?

– Нет...

– Как ты наивна! Слушай же, я объясню тебе, что следует говорить на допросах и как следует поступать...

В инквизиционном процессе имена свидетелей никогда не сообщаются обвиняемым. Однако обвиняемый имел право назвать, перечислить своих врагов, которые, как он предполагает, могли намеренно донести на него, чтобы свести счеты. Если подозреваемый случайно угадывает доносчика, показания такого свидетеля считаются недействительными. Мать и дочь Альварадо согласно заявили, что Каталина Мендес давно точит на них зуб, потому что в течение многих лет они не могут поделить садик, расположенный между их домами. Сама Каталина неожиданно призналась, что не побоялась загубить свою душу ложным доносом, лишь бы насолить соседке. Показаний других свидетелей оказалось явно недостаточно, чтобы осудить Долорес и Франсиску. Таким образом, обвинение было не доказано, и церковный трибунал вынес столь редкий в практике инквизиции оправдательный приговор.

– Я жду тебя в пятницу вечером, – шепнул ей Бартоломе на прощание, – на улице Короля, в доме напротив оружейной лавки...

– Хорошо, – тихо ответила Долорес.

Она не знала радоваться ли ей долгожданному освобождению или же страшиться грядущего позора.

* * *

Стучать пришлось долго. Бартоломе отбил себе все кулаки, прежде чем за дверью прозвучал старческим голосом:

– Кого еще черт принес?

– Священника! – разозлился Бартоломе. – Немедленно открывай, если не хочешь, чтобы за тобой прислали стражу!

Старуха долго звякала засовами и звенела ключами. Наконец дверь открылась. Бартоломе хотел войти внутрь, но так и замер. Неизвестно, кто из них испугался больше: старуха при виде доминиканца или Бартоломе при виде отвратительной физиономии старой ведьмы. Первой мыслью Бартоломе было, что дьявол никуда не исчез после убийства ростовщика, а так в его доме и поселился. Вместо платка на голову старой карги была намотана какая-то полинявшая тряпка.

Глубокие морщины избородили ее лицо, над беззубым, ввалившимся ртом нависал огромный крючковатый нос, похожий на вороний клюв, а на подбородке торчала большая, как пуговица, волосатая бородавка. К тому же, старуха была усатой.

Несколько минут они оторопело смотрели друг на друга, причем у старухи нервы явно оказались крепче: она пришла в себя первой.

– Теперь в долг не даем! Вещи под залог не принимаем! Обмен денег не производим! – проскрипела она. – Нет его больше, благодетеля нашего. Никого больше нет! Слуга и тот сбежал. Ничего больше нет! Все отобрали! Все разрушили! До нитки обчистили! По миру пустили!

– Вот что, старая карга, – прервал ее Бартоломе, – позволь мне войти. А теперь молчи и слушай. Сейчас ты мне выложишь все, как на исповеди. И если я замечу, старая ведьма, что ты решила водить меня за нос, то ты быстро окажешься в компании своего дражайшего супруга Яго. Только он-то уже мертв, а вот ты, старая, поджаришься заживо. Поняла?

– Как не понять, – вновь затынула она ту же песню, и голос ее был похож на скрип несмазанного каретного колеса, – последнее отобрать хочешь... Выложи ему! А нечего выкладывать. Все отобрали, все похитили, все унесли, все повытаскали... Все, что многолетними трудами нажито, по крупицам собрано...

Бартоломе понял, что угрозами от старухи ничего не добьешься, и решил ей подыграть.

– Действительно, вот изверги! – сказал он. – А что, старая, много у твоего мужа было врагов?

– О, что звезд на небе! Полгорода облагодетельствовали – полгорода на нас зло затаило. Чем больше людям добра делаешь, тем они злее. Да без моего Яго все бы они здесь пропали, передохли от голода, как собаки. Скольких мы спасли, один Бог знает. Тому дай, другому дай, третьему дай! И никому-то он по доброте душевной не отказывал. Все беды людские близко к сердцу принимал. Вот и отблагодарили его, несчастного, да еще и опорочили!

– Но ведь твой Яго был поклонником сатаны, – заметил Бартоломе.

– Что вы, что вы! Яго был верным сыном церкви. Кресты очень любил. Особенно золотые. Серебряными, правда, тоже не гнушался. А уж сколько священников у нас в доме перебивало – и не сосчитать!

– Значит, с церковью у него были замечательные отношения?

– Да как же иначе? К нам сам настоятель монастыря святого Доминика захаживал. Бывали каноник собора святого Петра. Они церковную утварь сбывали. Каноник, так тот даже мощи предлагал. Чей-то палец да клочок волос, а чей, не припомню...

– Ясно, ясно! – перебил ее Бартоломе. – Но ты говоришь, недоброжелателей у Яго было предостаточно? Можешь назвать имена?

– Как же, как же! Хулио Лоретта занял у нас сто пятьдесят эскудо, и был таков, мерзавец!! Бенито Перейра продал подсвечник, выдав за золотой, а он оказался только позолоченным. А еще... – и тут старуха начала длинное перечисление тех, кто, по ее мнению, так или иначе обидел ее благоверного.

– Довольно! – остановил ее Бартоломе. – Лучше скажи, не угрожал ли ему кто-нибудь?

– Как не угрожали! Чего только он, бедный, за свою жизнь не натерпелся! С лестницы спускали, палками били, даже собаками травили...

– В последнее время он с кем-нибудь ссорился?

– Ну да. С Антонио Диасом. Сколько крови ему этот молокосос перепортил! А того, дурак, не понимает, что его товар сбыть – это же какая ловкость нужна, какая смелость! И раздел тут может быть только такой: ему – треть, нам – две трети. Он же себе две трети требовал. «Я, – говорит, – жизнью рискую, а ты – только прибылью».

– Что это был за товар?

Старуха замялась.

– Всякий бывал... То одно, то другое...

– Ну-ка, объясни, старая!

– Они обычно говорили тихо, когда о делах совещались. А я, знаете ли, с годами туговата на ухо стала. Не могу всего разобрать. То ли было в прежние годы! О чем говорили в доме напротив и то слышала.

Бартоломе расхохотался. Он-то думал, что осведомленность старухи объясняется доверием к ней со стороны мужа, оказалось, она попросту подслушивала!

– Так о чем же говорили Яго и Антонио Диас в последний раз?

– Ругались. Этот мальчишка все кричал: «Чтоб дьявол утащил тебя в ад, старый хрыч! Чтобы ты, живоглот, провалился в преисподнюю!» Прямо так и сказал. «Или две трети мне выкладываешь, – говорит, – или я тебя сам, своими руками, задушу».

– Кто этот Антонио Диас? Торговец?

– Если бы! Если бы он был честным, добропорядочным торговцем! А то он грабитель, разбойник, пират паршивый! За таким глаз да глаз нужен. Любого обведет вокруг пальца!

– Если я правильно понял, он моряк?

– Да-да.

– Где его найти, не знаешь?

– У черта на рогах! – выругалась старуха. – Чтоб мои глаза никогда его больше не видели!

– Понятно, – улыбнулся Бартоломе. – Спасибо, старая. У черта или еще где-нибудь, но я его разыщу.

Бартоломе покидал старую еврейку в превосходном настроении. Во-первых, она его порядком позабавила, во-вторых, у него появилась надежда найти разгадку таинственного преступления.

* * *

Волны накатывались на песчаный пляж, замусоренный щепками, обрывками веревок, водорослями и отбросами. Пахло смолой и протухшей рыбой.

Бартоломе шел вдоль вереницы растянутых для просушки рыбацких сетей. Он счел неуместным явиться в порт в одеянии священника и, по своему обыкновению, на время опять превратился в светского человека. По этому случаю он надел черный бархатный камзол, отороченный тончайшими кружевами, завернулся в черный плащ, надвинул на глаза широкополую шляпу с черным пером.

Он заглянул сюда впервые и сейчас с любопытством рассматривал гавань, образованную двумя мысами, далеко вдающимися в море. На одном из них находился защищавший вход в бухту прямоугольный форт и королевская таможня, другой, за исключением нескольких полуразвалившихся лачуг, был гол и пуст.

В гавани на якоре стояло примерно с десяток небольших суденышек, предназначенных для каботажных плаваний: двухмачтовые тартаны или маленькие барки. Среди них выделялась длинная, узкая, выкрашенная в черный цвет шебека с ярко-желтой полосой вдоль борта. Судно было вооружено: солнечные блики вспыхивали на начищенных стволах медных пушек. Однако ни одного человека не было видно на палубе. В этот жаркий час весь порт словно погрузился в сон.

Только одно зрелище оживляло картину: в гавань медленно входил венецианский галеон. Бартоломе, щурясь от солнца, остановился, чтобы полюбоваться огромным кораблем. Даже отсюда были видны черные точки, перемещавшиеся по реям: матросы убирали паруса, – и два ряда задраенных пушечных портов. На фоне ярко-голубого неба четко вырисовывалось переплетение снастей и обнаженные мачты. Только под бушпритом еще трепетал блинд, да на корме развевался флаг республики св. Марка: золотой лев на красном фоне. Вот с кормы корабля поднялось небольшое облачко дыма, и над водой прогремел выстрел. Галеон салю-

товал. В ответ ухнула пушка форта. Вслед за этим со стороны таможни от берега отвалила шлюпка и заскользила по направлению к кораблю.

Бартоломе искал взглядом, к кому бы обратиться, и заметил только пожилого рыбака, который, сидя на перевернутой лодке под навесом из парусины, чинил порванную сеть.

– Не знаешь ли ты Антонио Диаса? – обратился к нему Бартоломе.

– Как же, знаю, – ответил тот. – Вот его шебека «Золотая стрела». Самое быстрое судно на побережье от Барселоны до Гранады, – неожиданно с гордостью добавил он. – На ней служит мой сын.

– Скажи, где мне найти Диаса?

– Пойди туда, – рыбак ткнул пальцем в сторону портовой таверны, откуда даже с расстояния двухсот шагов были слышны пьяные возгласы. – Если его самого там нет, то, по крайней мере, тебе скажут, где он.

В таверне было жарко, чадно и шумно. Оглядевшись, Бартоломе понял, что здесь не так уж много народа, как могло бы показаться, судя по громкому стуку оловянных кружек, пьяным выкрикам и хриплому хохоту. Вся компания сгрудилась вокруг одного из колченогих, почерневших столов, за которым четверо моряков играли в кости. Остальные десять человек – грубые парни в рубашках, которые, вероятно, когда-то были белыми, босые или в грубых башмаках – просто наблюдали. По всей видимости, это были просто местные рыбаки, которые сами могли поставить на кон разве что свои грешные души. Здесь же вертелись три женщины, не менее пьяные, чем вся остальная компания, и отнюдь не первой молодости.

На столе из рук в руки переходила груда мелочи. Очередной проигрыш или выигрыш сопровождался возгласами одобрения или выражением сочувствия в форме витиеватых проклятий.

В зале было жарко из-за находившегося тут же очага, над которым на вертелах жарились куски мяса. Смуглый мальчишка-поваренок время от времени поворачивал их.

Бартоломе ненадолго растерялся, представив себе, как нелепо он выглядит в этом обществе в своей строгой черной одежде, отделанной дорогими кружевами. Но увлеченные игрой рыбаки и матросы не обратили на него никакого внимания.

Бартоломе сразу понял, что Диаса не может быть среди полунищих зрителей, разве что капитан «Золотой стрелы» – это один из игроков, которые и одеты получше, и деньги у них вроде бы водятся.

Бартоломе искал взглядом, к кому бы обратиться, но вдруг почувствовал, что кто-то положил ему руку на плечо.

– Кого-то ищешь, сынок?

Бартоломе обернулся: с ним заговорил старый, седой моряк, которого инквизитор сперва не заметил, потому что тот сидел отдельно, за угловым столиком. Видимо, его уже не прельщало веселье молодежи. Бартоломе отметил, что, в отличие от всех остальных, старик почти не пьян и одет вполне прилично – в кожаную куртку. К тому же, у него было довольно приятное лицо – честное, открытое, загорелое до темно-коричневого цвета.

– Мне нужен Антонио Диас, – сказал Бартоломе.

– Его здесь нет, – ответил старик. – Но он тут непременно будет, если немного подождать.

– Когда?

– Этого никто не знает, – покачал головой старик. – Сюда всякий приходит, когда ему вздумается, и уходит, когда захочет. Но все люди моря встречаются именно здесь. Но мы можем скоротать часок-другой за кружкой вина, – предложил он.

Бартоломе понял, что, как человек новый, он вызывает интерес, а старику просто хочется с кем-нибудь поболтать. Бартоломе поморщился: грязный трактир вызывал у него отвращение, – но согласился. Он решил с пользой провести время и расспросить старика об Антонио Диасе.

Старый моряк сказал, что его зовут Алонсо Вальдес и что он капитан бригантинны «Гальега» с экипажем из десяти человек. Инквизитор представился так, как обычно представлялся, когда хотел выдать себя за светского человека, то есть сказал, что его имя – Бартоломе де Сильва.

– Ты нездешний? – оживился Вальдес.

– Нет, – ответил Бартоломе. – Я здесь по делам.

– Ну что ж, – откликнулся старик, – наш город не хуже любого другого, а может быть, и получше.

– Однако я слышал здесь странные вещи. Говорят, будто черти у вас тут разгуливают по улицам так же спокойно, как у себя в преисподней, хватают попавшихся под руку грешников и волокут их напрямиком в ад.

– Говорят. Но на суше я чертей не встречал, врать не буду, – ответил старик, – а вот морского видел.

– В самом деле?

– Конечно! И препротивнейшая это тварь, скажу я тебе. Зеленого цвета и в чешуе. Три года назад он вынырнул как раз под кормой «Гальеги» и уставился на нас круглыми зелеными глазами. Другие бы на нашем месте струхнули. Но мой друг Альфонсо не растерялся и разрядил в него мушкет.

– Попал?

– Не знаю. Черт нырнул – и был таков.

– Что ж, могло быть и хуже.

– Да. Морской черт по сравнению с морским змеем – очень милое существо. Огромное чудовище может проглотить любой корабль, как жаба – муху, и не подавится.

– Его ты тоже видел?

– Нет, слава Богу, не приходилось. Но я видел людей, которые его видели.

– Понятно, – улыбнулся Бартоломе.

– Ты мне веришь?

– Нет, – покачал головой Бартоломе.

– И правильно делаешь, сынок, – не обиделся старик. – И за это я скажу тебе правду: нет никакого морского змея.

– А черта?

– А черт его знает!

– Оставим черта в покое, – поморщился Бартоломе. – В конце концов, я не за этим сюда пришел.

– Ах да, тебе нужен Диас...

– Может быть, и не Диас... Мне нужен надежный и ловкий человек, который не испугался бы пойти на риск.

– Тогда тебе действительно нужен Диас.

– Он придет сюда играть? – Бартоломе кивнул на азартных матросов.

– Нет, Диас не играет.

– Он что же, скуп?

– Нет, напротив. Ради друга, ради близкого человека он отдаст все, до последнего мараведи.

– Так почему же он не хочет рискнуть сейчас?

– Он рискует каждый день и не только кошельком – для этого ума хватит у каждого, – он рискует своей жизнью!

– Ради чего же, в таком случае?

– Послушай, сынок. Я знал Антонио еще мальчишкой, когда он бегал по пристани в рваных штанишках, а рядом с ним – еще семеро таких же оборвышей – его братья и сестры. Он был

самым старшим. Его отец тоже был моряком. Ему оторвало голову ядром, когда наш галеон атаковали проклятые еретики, английские пираты. И Антонио пришлось заботиться и о себе, и о матери, и о братьях и сестрах.

Последние слова Вальдес произнес в полной тишине. Бартоломе скорее почувствовал, чем увидел: в таверне что-то произошло. Он обернулся. В дверях зала стоял новый посетитель. Ему было года двадцать два-двадцать три, не больше, но он держался, как хозяин. При его появлении все замолчали, так замолкают слуги при появлении господина, подчиненные при виде начальника.

А потом послышались возгласы, исполненные искреннего восхищения. Рыбаки распустились, пропуская его к столу. Видимо, контрабандист пользовался искренним и вполне заслуженным уважением. Хозяин таверны поспешил к нему навстречу.

– Антонио! – воскликнул он. – Ну что, сегодня ты опять угощаешь? О, мы уже наслышаны о твоих новых приключениях!

– Антонио! – подхватил Вальдес. – Ну-ка, сынок, расскажи, как ты отправил на съедение акулам тунисского корсара. Вот этот человек, мне кажется, не прочь послушать рассказы о твоих подвигах, – и он подтолкнул вперед Бартоломе.

– Кто ты такой? – поинтересовался Диас, бесцеремонно разглядывая Бартоломе.

– Мне нужно поговорить с тобой.

– О чем, позволь узнать, мне с тобой разговаривать?!

– О деле. Конечно, если ты тот парень, который готов хорошо заработать, не спрашивая о происхождении товара и его предназначении.

– А почему ты решил, что я как раз тот? – прищурился Диас.

– Нас могут услышать?

– Отойдем.

Вальдес с готовностью уступил им угловой стол, приятели Диаса отошли в сторонку. Определенно, Диас внушал им очень глубокое почтение.

– Так откуда ты узнал?..

– Мне рекомендовал тебя Яго Перальта.

– Что я должен сделать?

– Переправь... кое-что... кое-куда...

– Поговорим по-деловому. Я не привык терять время даром. Итак, что?

– Порох и ядра.

– Куда?

– На Майорку.

– Как?

– Разумеется, тайно.

– Я не спрашиваю тебя, кому предназначен груз, но платить придется и за перевозку, и за молчание.

– Я понимаю. Потому и обращаюсь именно к тебе. Но погрузку нужно произвести тайно.

– О, это легко устроить. «Золотая стрела» будет ждать за мысом святого Висенте. Я отправлю своих людей на шлюпках в бухточку за мысом. Жди их там в полночь.

– Я доверяю только тебе лично. К тому же, только с глазу на глаз я могу назвать имя человека, которому предназначен груз.

– Хорошо, я там буду.

– По рукам?

– По рукам!

– Значит, до вечера, вернее, до полуночи?

– Да, конечно.

В полночь все произошло так, как и было задумано. Точнее, так, как было задумано Бартоломе.

Инквизитор ждал контрабандистов около одинокой рыбацкой хижины. На песке ожидала погрузки груза ящиков и мешков.

Шлюпка подошла почти бесшумно – весла были обмотаны тряпками.

– А ты точен! – воскликнул Диас, спрыгнув на берег. – Готов?

– Готов, – кивнул Бартоломе.

– Придется потрудиться, ребята, – заметил Диас, бросив взгляд на ящики и мешки. – Ну, за работу!

Матросы принялись перегружать товар в шлюпку.

И тут из хижины выскочили два десятка солдат. Прежде чем контрабандисты успели опомниться, Диаса скрутили, связали. Матросы отделались разбитыми носами. Видимо, нападавших интересовал исключительно капитан. Его подхватили, поволокли прочь...

Избитые матросы поднялись, вспороли мешки – там был песок. Они взломали ящики – там оказались камни. И тихая ночь содрогнулась от чудовищных проклятий обманутых моряков, оставшихся без своего капитана.

* * *

«Удивительно не то, что Яго Перальту убили, а то, что его не убили лет пятнадцать-двадцать назад. Необычен только способ, с помощью которого еврея отправили на тот свет – убийца обладал поистине дьявольской изобретательностью», – Бартоломе отложил пухлую книгу записей ростовщика. На столе в медном канделябре тихо таяли восковые свечи. Инквизитору казалось, что и на столе, и на стенах, и на потолке пляшут те же самые нескончаемые столбцы цифр. Он устал. К тому же, выявить подлинных врагов Перальты оказалось совершенно невозможным. Из десяти тысяч жителей города по крайней мере четверть имела все основания желать смерти ростовщику. Прав был маленький пройдоха Пабло: еврея здесь не любили. Может быть, дело не в деньгах?.. В конце концов, его ведь не ограбили...

Тихий стук прервал размышления Бартоломе. Он даже не сразу понял, что в дверь стучат, сначала ему показалось, что это скребется мышка.

Бартоломе захлопнул книгу. Стук повторился, на этот раз чуть громче.

– Войдите! – сказал Бартоломе.

Дверь слегка приоткрылась.

– Войдите же!

Дверь медленно, со скрипом, отворилась.

Долорес! Да, да, она должна была прийти именно сегодня, ведь он сам так приказал. Но, признаться, он ее сегодня не ждал. Нет, он не забыл – он просто не верил в то, что она придет. Он знал, она никуда не денется, она попалась, как птичка в силки, но все же он не думал, что эту гордичку удастся сломить так скоро. Он не надеялся, что она так быстро покорится судьбе. Или не смел надеяться.

Бартоломе встал.

– Подойди! – сказал он.

Она сделала три шага бесшумно и робко, словно тень, и медленно, как обреченная на заклятие жертва. Теперь она стояла в освещенном круге. Обреченность, страх и... любопытство прочел Бартоломе в ее глазах. Она впервые видела его в светской одежде. Она ожидала встретить священника – перед ней стоял изящный кабальеро.

Бартоломе взял ее за руку и почувствовал, как дрожат ее пальцы.

– Существует суд Божий! – сказала она, осмелившись посмотреть ему в глаза.

– Что ты говоришь? – улыбнулся Бартоломе. – Неужели?

– И существует расплата! – с вызовом добавила она.

– Вот именно, – заметил Бартоломе, – я думаю, ты затем и пришла сюда, чтобы расплатиться.

– Это подло!

– Да, но и ты сама, и твоя мать на свободе. Слово свое я сдержал.

Он взял ее за плечи и привлек к себе.

Она попыталась оттолкнуть его, но он только рассмеялся. И в тот же миг с ужасом, с трепетом, но в то же время и с каким-то неясным чувством тайного наслаждения Долорес поняла, что у нее нет ни малейшей возможности ему сопротивляться, что он может сделать с ней все, что захочет. И дело было вовсе не в том, что его мускулы были тверды, как железо, и у Долорес просто не хватило бы сил с ним совпадать. Напротив, она хорошо ощущала, что он старается не причинять ей боли. Но ведь Рамиро, неуклюжий матрос Рамиро, тоже был сильным, он одним ударом кулака мог сбить с ног любого из здешних парней, он мог разогнуть подкову и свалить быка за рога, но она ничуть не задумываясь отвешивала ему пощечину, если он распускал руки, и Рамиро отступал, как побитый щенок. А Бартоломе имел над ней какую-то странную власть. Ее влекло к нему, тянуло, как кусочек железа к магниту. Но все, что внушали ей с детства, восставало, противилось тому, что сейчас могло произойти. Грех, прелюбодеяние – вот как все это называлось и влекло за собой осуждение людей и кару на небесах. Так говорила ей совесть. А сердце бешено колотилось в груди и как будто хотело совсем иного. Она была готова разорваться между страстным «да» и яростным «нет», и сделать этот выбор было выше ее сил.

– Я внушаю тебе страх? Отвращение? – он заглянул ей в глаза.

У Долорес закружилась голова, подогнулись колени. И она упала бы, если б Бартоломе не поддержал ее.

Девушка потеряла сознание. Бартоломе бережно положил ее на кровать. Она казалась сломленной и беззащитной, как поникший цветок.

Острая жалость пронзила сердце Бартоломе. Жалость и стыд за то, что он уже совершил и то, что хотел совершить, – те чувства, которые инквизитор всегда старался гнать прочь, чтобы они не превратили его жизнь в кошмар, – нахлынули на него.

«Ты подонок, Бартоломе! – сказал он себе. – Какой же ты подонок! Девочка месяц провела в камере на хлебе и воде. А сейчас? Есть ли у них с матерью другие средства, кроме тех, которые Франсиска добывала торговлей травами?»

Впрочем, Долорес быстро пришла в себя. Первый ее взгляд был непонимающим, вопросительным, но, по-видимому, тотчас вспомнила, где она и что с ней. Она лежала на постели, а над ней склонился ее мучитель! С ее губ сорвался то ли тихий крик, то ли стон, она попыталась сесть, но от слабости вновь откинулась на подушку.

– Успокойся, – сказал Бартоломе, – ради Бога, успокойся. Я не причиню тебе зла. Обещаю, – сказал и увидел недоверие в ее глазах, глазах испуганной дикой лани.

– Санчо! – позвал он. – Санчо! Принеси вина.

Появился слуга с бутылкой и кубком.

Бартоломе поднес кубок к губам Долорес, она отшатнулась.

– Не упрямясь, дурочка, – произнес Бартоломе как можно мягче. – Ты что, думаешь, что я хочу тебя отравить? Или что я подмешал в вино сонное зелье? Смотри, – он сделал несколько глотков, – вино совершенно безвредно. Ну же, не бойся.

Пока она пила, Бартоломе осторожно поддерживал ее за плечи. Санчо молча наблюдал эту сцену.

– Похоже, хозяин, у вас ничего не вышло, – заключил он наконец.

– У нас в доме найдется что-нибудь съестное?

– Был как будто кусок говядины, не помню точно, съел я его или нет...

– Скотина! Быстро беги в ближайшую таверну, и если через полчаса не будет накрыт стол, я выбью тебе все зубы!

– Но, хозяин, ночь на дворе...

– Делай, что я сказал!

Недовольный Санчо отправился добывать ужин.

Бартоломе, чтобы не причинять девушке беспокойства, отошел к столу, в глубь комнаты.

– Мне кажется, я чувствую себя лучше, – тихо произнесла она. – Я ведь не ослышалась, вы сказали, что отпустите меня?..

– Да, ты свободна. И... я хотел бы, чтобы ты забыла о том недоразумении, которое едва не произошло.

– И я могу идти?

– С одним условием.

– Значит, – ее голос дрогнул, – вы не отступитесь, пока я... не расплачусь?

– Я дал слово! Помнишь, я обещал, что спасу тебя и твою мать. Разве я не выполнил обещание? Почему же сейчас ты мне не веришь?!

– Чего же вы хотите?

– Я хочу, чтобы ты задержалась здесь всего лишь на час. Я хочу, чтобы ты поделила со мной ужин. Только и всего. Надеюсь, тебя это не затруднит?

– Зачем?..

– Девочка, милая, посмотри на себя, ты же едва на ногах держишься... Кстати, все ценности (если, конечно, они у вас вообще были), все имущество было возвращено вам приемщиком инквизиции? Нет? Еще нет? Я займусь этим, – последние слова он произнес очень тихо, скорее самому себе, чем ей, и уже мысленно добавил: «Если я этим не займусь, вы вообще ничего не получите обратно».

Через полчаса вернулся Санчо, злой, недовольный, но молчаливый и покорный, так как вполне осознавал, что сейчас хозяину лучше не противоречить, и принялся расставлять тарелки. Санчо потрудился на славу. Очевидно, ему не только удалось вытащить из постели какого-нибудь трактирщика, но и заставить его разогреть ужин. На столе появилась оля-подрида – горячее блюдо из мяса с овощами, асадо – жаренное на вертеле мясо. На десерт предназначались фрукты. В довершение Санчо водрузил на стол две бутылки Канарского и удалился с мрачным, но торжественным видом.

– Но ведь сегодня пятница! – сказала Долорес, увидев на тарелках мясо.

– Дурочка! – улыбнулся Бартоломе. – Разве ты не знаешь, больным разрешается не придерживаться постов. А кроме того, разве ты не видишь, на столе два прибора, значит, согрешим мы вместе. Впрочем, если хочешь, после ужина я дам тебе отпущение, – добавил инквизитор. – Идет?

Сперва Долорес стеснялась, но вскоре голод взял свое. Пока она ела, Бартоломе задумчиво ковырял мясо вилкой и размышлял о том, в какое нелепое положение он попал и находил утешение лишь в том, что Долорес этого все равно не понимает. Зато она поняла, что ей и в самом деле больше ничего не грозит. Бартоломе даже не раз замечал острый взгляд, брошенный в его сторону, еще немного настороженный, но скорее любопытный, чем испуганный.

Впрочем, она смогла полностью избавиться от беспокойства и временами с тревогой посматривала в окно. Было уже далеко за полночь.

– Санчо! – крикнул Бартоломе. – Санчо! Проводи сеньориту!

Никто не отозвался.

Раздосадованный Бартоломе тихо выругался и сам отправился в комнатку слуги. Санчо спал, по-детски свернувшись клубочком и тихонько посапывая. Бартоломе стало жаль будить уставшего паренька. «Что-то я на редкость благодушен сегодня», – усмехнулся он про себя.

– К сожалению, наш храбрый защитник уже в объятиях Морфея, – сказал он, возвратившись к Долорес, – так что придется обойтись без него.

– Нет, нет, не нужно беспокоиться, – поспешно сказала она. – Я живу недалеко и без провожатых быстренько добегу до дома.

– Где ты живешь, я прекрасно знаю, – перебил он. – Но не могу же я отпустить тебя одну, когда на улицах не осталось никого, кроме бродяг и бандитов! И это еще не самое страшное. Теперь, говорят, по городу черти разгуливают так же свободно, как у себя в преисподней! Конечно, я могу предложить тебе остаться здесь до утра...

– Нет, нет! – опять горячо запротестовала она, очевидно, все еще не доверяя Бартоломе. – Я не останусь! Я должна быть дома! Если я задержусь до утра, мама обнаружит, что меня нет... Она с ума сойдет от беспокойства!

– В таком случае, как же тебе удалось ускользнуть от ее бдительного ока?

– Я сказала ей, что иду спать, а когда она тоже легла, я тихонечко вышла из дома... Но теперь я должна вернуться!

– ...пока она ничего не заметила. Замечательно! Следовательно, ты все от нее скрыла, заботливая дочь... Пожалуй, это правильно. Ну, ну, не волнуйся, я не собираюсь и дальше тебя задерживать. Однако, не взыщи, тебе придется потерпеть мое общество еще полчаса. Пока я не доставлю тебя домой в целости и сохранности.

Бартоломе пристегнул к поясу кинжал в кожаных, расшитых серебром ножнах, надел перевязь со шпагой, набросил на плечи плащ, взял шляпу. Долорес невольно отметила, как легко и привычно обращается он с оружием, так, словно он был солдатом, а не монахом.

Сейчас он совсем не походил на священника. Перед ней стоял красивый и изящный кабальеро, по-юношески подтянутый и стройный, и вдруг ей пришла в голову странная мысль, что все ее подруги умерли бы от зависти, если бы увидели ее рядом с ним. «Дура!» – рассердилась она сама на себя, и ей стало так стыдно, что ее щеки вспыхнули.

Они вышли на улицу.

Ночь была на удивление светлой. Полная луна висела над крышами домов в окружении своих младших сестер – звезд. Ощущалось легкое дуновение бриза. Эта ночь, принесшая в тесные городские закоулки покой и прохладу, была точно создана для неспешных прогулок, тихих, нежных бесед и серенад под балконом. И не верилось, что эта ласковая, бархатная ночь таит в себе угрозу, что под ее совиными крыльями находят укрытие не только влюбленные парочки, но также убийцы и грабители.

Бартоломе предложил девушке руку, и она приняла это как должное, даже не успев подумать, как и почему это произошло.

Некоторое время они шли молча, пока какая-то тень не метнулась прочь прямо у них из-под ног. Долорес тихо вскрикнула и отступила на шаг. Бартоломе лишь рассмеялся.

– Это кошка, – сказал он. – Просто кошка. Самая обыкновенная, серая или черная.

– Но ведьмы могут превращаться в кошек! – возразила Долорес.

– Тебе виднее, – усмехнулся он.

– Но вы же знаете, что я не ведьма, что нас с мамой несправедливо обвинили и что я... я, на самом деле, так их боюсь...

– Не волнуйся! Я думаю, ни одна ведьма не станет показывать свои способности перед инквизитором.

Долорес вдруг почувствовала, что он над ней смеется, очевидно, считая маленькой, глупой девочкой. Но она с детства наслушалась сотен страшных историй о проделках злых колдуний, которые могут принять облик кого угодно: кошек, собак, жаб... Она слышала эти рассказы от матери, от недавно умершей бабушки, от подруг. Не верить им было просто невозможно! Но сейчас ей стало стыдно, стыдно за то, что она оказалась такой трусихой.

– Пойдемте! – сказала она. – Конечно, это была только кошка...

Неожиданно тишину ночи нарушила песня. Главенствовал сочный баритон, ему вторили писклявый тенорок и хриплый, пропитый бас. Вскоре в конце переулка показались и сами исполнители – тройка подвыпивших матросов, по всей видимости, возвращавшихся из портовой таверны. Двое – обладатели тенора и хриплого голоса – шли в обнимку, поддерживая друг друга, причем один из них был на голову выше другого. Коротышка нес фонарь. Третий – высокий, крепкий мужчина, очевидно, предводитель маленькой компании, шествовал впереди и держался на ногах довольно твердо. Именно он начинал очередной куплет, а приятели ему вторили.

– Ого! – воскликнул длинный. – Да тут прячется какая-то парочка! А ну, посмотрим, кто это!

Коротышка поднял фонарь и едва не ткнул им в лицо Бартоломе.

– Черт побери! – удивился он. – Да ведь это крошка Долорес! С кем это она, а, Рамиро?

– Долорес! – ахнул широкоплечий парень. – Что ты тут делаешь, ночью, да еще в этой странной компании?!

Ты!.. Ты...

Он, казалось, едва не задохнулся от негодования и злости.

– Отвечай мне, кто он такой?! Кто этот мерзавец, с которым ты... И как ты могла, как?!

– Рамиро, – пробормотала Долорес, – я потом тебе объясню... Он вовсе не тот, за кого ты его принял... Мы поговорим после... После, ладно? А сейчас уходи, уходи, ты же пьян!..

– Я не настолько пьян, чтобы не понимать, что девушка, которую я считал чистой, как ангел, на самом деле...

– На самом деле ты ничего не знаешь! Уходи!

– Сначала я покажу ему, как волочиться за чужими девчонками!

Рамиро вцепился в кружевной воротник Бартоломе и как следует встряхнул инквизитора.

– Рамиро, отпусти его! Он вовсе не...

Долорес попытался оттолкнуть моряка – с таким же успехом легкий ветерок мог опрокинуть скалу.

Бартоломе как будто даже не пытался вырваться. Левой рукой он нащупал эфес шпаги, рванул его вверх и нанес матросу удар в висок. И здоровенный парень рухнул к его ногам.

Теперь Долорес испугалась за Рамиро.

– Что вы сделали?! Вы убили его!

– Нет, – ответил Бартоломе, скривив губы в злой усмешке. – Я его просто оглушил. Не принимайте меня за кровопийцу. Я судья, но не палач.

Словно в подтверждение его слов Рамиро чуть приподнялся и застонал.

Приятели Рамиро схватились за ножи.

– Назад! – Бартоломе перехватил клинок из левой руки в правую.

Шпага Бартоломе описала сверкающий круг, распоров рубашку на груди низенького матроса, как раз напротив сердца. От неожиданности он охнул и схватился за бок. Но ни капли крови не увидел он, взглянув затем на свою ладонь, он даже не был оцарапан.

– Клянусь всеми святыми, он отрезал мне ус! – завопил другой моряк, хлопнув себя по щеке.

– Если ты сделаешь хоть один шаг, я отрежу тебе все остальное, – хладнокровно пообещал Бартоломе.

Матросы в нерешительности переминались с ноги на ногу.

– Возьмите вашего приятеля, – Бартоломе легонько пнул Рамиро в бок носком сапога, – и отправляйтесь ко всем чертям!

Парни сочли за лучшее не испытывать судьбу и не связываться с незнакомцем, так мастерски владеющим шпагой.

Они подхватили Рамиро под руки и поволокли прочь. Его грубые башмаки стучали по булыжной мостовой, пока не свалились, и дальше Рамиро бороздил мостовую голыми пятками. Подвыпившие товарищи либо не заметили этого, либо не придали большого значения.

– Так это твои друзья? – спросил Бартоломе, расправляя порванный воротник.

В его голосе прозвучало плохо скрываемое презрение, и оно укололо Долорес в самое сердце.

– Да... Нет... Просто знакомые...

– Поэтому один из них и заявлял на тебя свои права?

– У него нет на меня никаких прав! – возмутилась Долорес. – Он был матросом на судне моего отца, пока тот не погиб.

Ее голос дрогнул. Ей вдруг стало горько и обидно, потому что он мог подумать, будто у нее есть что-то общее с грубыми, пьяными матросами. Хотя какое ей, в сущности, дело до того, что подумает о ней человек, который сам хотел бесчестно обойтись с ней всего лишь два часа тому назад?!

– Допустим, – произнес только Бартоломе. – Допустим.

Долорес печально опустила голову.

Остаток пути они проделали молча, не глядя друг на друга.

– Мы пришли, – наконец тихо произнесла девушка, остановившись у дверей двухэтажного, довольно просторного, но обветшавшего дома.

– В таком случае, я могу быть свободен? – слегка улыбнулся он.

– Да, – едва шевельнула она губами, – можете...

Он сделал шаг ей навстречу, как будто хотел что-то сказать, но вдруг резко повернулся и быстро пошел прочь.

– Прощайте!

– До свидания, – тихо ответила девушка, но Бартоломе уже не слышал ее.

Она долго смотрела ему вслед. У нее было странное чувство, будто сегодня в ее жизни произошло что-то очень важное, но что это было, она так и смогла до конца понять.

* * *

– Вот как, значит, – черные глаза Диаса сверкнули нескрываемой ненавистью. – Отец-инквизитор – вот кто вы такой...

У Бартоломе даже промелькнула мысль, что сейчас юный разбойник набросится на него, благо в зале для допросов они находились одни. Впрочем, Бартоломе стоило только позвать на помощь или позвонить в серебряный колокольчик, что лежал у него под рукой на столе, – и в зал ворвались бы дюжие стражники.

– Значит, я здесь по вашей милости, – проговорил Диас. – Ну, спасибо. Я это запомню.

– Узнал? Замечательно. По крайней мере, мне не придется долго объяснять, в какое незавидное положение ты попал.

Только исполненный ненависти взгляд был ему ответом.

«Злишься, красавчик! Ну, еще бы! В твоих глазах я, должно быть, последний негодяй, подлец, предатель, человек без чести и совести. Возможно, ты не так уж и не прав, но делать выводы еще рано. Я еще не решил, что с тобой делать».

– Вот что, сын мой, – прервал напряженное молчание Бартоломе, – у меня есть к тебе одно предложение. Прежде всего, хорошенько поразмысли и оцени весь ужас твоего положения. Ты попался на контрабанде. С поличным. Знаешь, кому предназначались порох и ядра? Алжирским пиратам. Ты пособник магометан, сын мой.

– В таком случае, вы тоже, святой отец.

– Нет, сын мой. Ошибаешься. Порох и ядра в арсенале, ты в тюрьме, ерго¹¹, товар по назначению не доставлен, виновник схвачен, я предотвратил преступление против веры и родины. В свою очередь, из этого следует...

– Вы мерзавец – вот что из этого следует!

– Благодарю. А ты – висельник. Причем в самом ближайшем будущем. Мне остается только сдать тебя городским властям.

Диас ответил презрительной улыбкой.

– Конечно, – продолжал Бартоломе, – ты столько раз рисковал жизнью, что новая опасность тебя не пугает. Однако, если есть шанс ее избежать, почему бы им не воспользоваться? Договоримся, сын мой. Сейчас ты мне искренне, чистосердечно, как на исповеди, ответишь на все вопросы, что я тебе задам, покаешься во всех своих прегрешениях, каковы бы они не были.

– Исповедоваться? Вам? Да у вас, святой отец, грехов больше, чем у десятерых таких, как я, вместе взятых!

– Церковное таинство, сын мой, остается церковным таинством независимо от нравственных достоинств священника, который его совершает. Впрочем, это богословские тонкости. Я хочу знать, что тебя связывало с покойным евреем Яго Перальтой?! Какие делишки ты с ним обделывал, черт побери?!

Диас молчал, только сверкал глазами.

– Если ты будешь сговорчив, я отпущу тебя на свободу, – пообещал Бартоломе. – В противном случае, тебе придется свести тесное знакомство с городским палачом.

Молчание.

– Хорошо! Хочешь на виселицу – пожалуйста! А как же твои братья и сестры? Мать? Насколько мне известно, ты – их единственная опора. Что будет с ними?

Диас застонал. Впрочем, этот звук походил скорее на предсмертный хрип раненого зверя.

– Допустим... я соглашусь, – глухо произнес он наконец. – Но где гарантии, что вы и в самом деле отпустите меня?

– Гарантии? Никаких! Только мое слово.

– После того как вы меня уже один раз провели?! Это смешно, святой отец!

– Позволь, в прошлый раз я тебе никаких обещаний не давал.

– Я вам не поверю!

– Что ж, – рука Бартоломе потянулась к колокольчику, – сейчас я вызову стражу и тебя отведут в городскую тюрьму.

– Постойте!

– А, ты передумал. Так-то лучше.

– Что... я должен рассказать?

– Что связывало тебя с Яго Перальтой?

Диас колебался. Он явно чуял подвох. Ведь рассказать о своих похождениях означало окончательно себя погубить, своими руками вырыть себе могилу. А надежда на освобождение была слишком призрачной.

Бартоломе словно прочитал его мысли.

– Если б я хотел доказать, что ты пират и контрабандист, Антонио Диас, – сказал он, – мне не нужно было бы добиваться твоего признания. Я приказал бы схватить десяток твоих ребят, вздернуть их на дыбу, – далеко не все люди проявляют твердость в таких случаях, особенно, когда речь идет о чужой шкуре, а не о своей собственной, – и через пару дней я уже знал бы все, что хотел знать. Меня интересует не столько твоя особа, сколько делишки старого еврея.

– Может быть, вы думаете, что я не только магометанин, но еще и иудей? Трудно быть тем и другим сразу, святой отец.

¹¹ Следовательно. Лат.

– И потому оставим и Магомета, и Моисея. Поговорим о золотом тельце. Ведь поклонение именно этому идолу объединяло вас с Перальтой, не так ли?

– Вы что, святой отец, считаете, что я еще и язычник?!

– Я думаю, что ты, сын мой, заурядный разбойник. Итак, когда ты познакомился с Яго Перальтой?

– Это было четыре года назад... Тогда впервые мне довелось командовать судном. Наш капитан взял на борт груз, но внезапно заболел перед самым выходом в море. Но Перальта – все товары принадлежали ему – потребовал, чтобы никаких проволочек не было... И судно доверили мне.

– Продолжай, продолжай.

– Мне... стыдно вспомнить, что произошло потом... У берегов Ивисы мы заметили большой торговый корабль. Один из моих парней – а это все были отчаянные ребята – сказал, что это, должно быть, венецианский купец, и что тот, кто приберет его к рукам, будет безбедно жить до старости. Он сказал: бояться нечего, если заметят исчезновение корабля, то заподозрят алжирских корсаров, их полно в этих водах. Большая часть венецианской команды, по всей видимости, была на берегу. Ребята посоветовались и предложили мне рискнуть. Я не смог отказаться... Я так хотел стать богатым и независимым! Ночью на двух шлюпках мы подошли к венецианцу, вскарабкались на палубу и взяли его без крика и шума.

– И... вам повезло?

– Да. Судно было нагружено шелком, великолепным восточным шелком. Мы были богаты... Но... я испугался. Я не знал, как мне теперь быть. Ведь я стал пиратом. Отправиться бродить по белу свету я не мог, я должен был вернуться!..

– Я понимаю. Тебя ждали мать, братья, сестры...

– И они хотели есть! А я был богат! Понимаете?

– Ты вернулся.

– Да, я вернулся. Мы вернулись на нашей бригантине, а венецианское судно оставили в укромной бухте. Потом... я пошел к Перальте и чистосердечно все ему рассказал.

– Он обрадовался, я полагаю?

– Да, как ни странно, да. И взялся сбыть товар. Правда, за это он потребовал две трети его стоимости. Я согласился.

– Тебе ничего другого не оставалось.

– Да. Но я и мои товарищи все равно неплохо заработали. Я купил собственное судно, «Золотую стрелу». А Перальта сказал, что я ловкий парень и предложил мне сотрудничать и дальше.

– Следовательно, ты перевозил контрабанду, а еврей, в свою очередь, сбывал товар, если в открытом море тебе удавалось захватить какое-нибудь судно?

– Я больше никогда не напал ни на один христианский корабль! Я встал на ноги благодаря разбою, это правда. Но я поклялся себе, слышите, поклялся! – никогда больше не нападать на суда добрых христиан! И слово я сдержал!

– Остаются еретики и магометане, – заключил Бартоломе. – Тоже неплохо. И справедливо, и выгодно. Вот только большую часть дохода ты терял в результате посредничества еврея.

– Пожалуй, так.

– Со временем ты понял, что Перальта тебя обманывает и решил с ним посчитаться?

– Посчитаться?

– Ты грозился убить его – и это слышали.

– Вы что же, святой отец, думаете, что это я... убил еврея?

– На всякий случай, объясни мне, где ты был в ночь на двадцать первое июня.

– Пил! В таверне! С приятелями!

– Они могут это подтвердить?

- Конечно!
 - Однако не стоит полагаться на слово пьяных матросов.
 - Послушайте, я никого не убивал, даже старого еврея! Он ведь был крещеным евреем! Я никогда не загубил ни одной христианской души!
 - А венецианцы?
 - Их я тоже не убивал! Мы их просто связали! А когда отошли на порядочное расстояние от Ивисы, дали им шлюпку и пожелали счастливого пути!
 - Гм. Надеюсь, они добрались до берега.
 - Но мои руки не запачканы кровью!
 - Да, конечно. О том, что ты, должно быть, перерезал глотки нескольким десяткам мавров и английских еретиков, упоминать не стоит.
 - Они пираты и враги Господа! – сверкнул глазами Диас.
 - Бесспорно, – кивнул Бартоломе. – А еврея ты не убивал?
 - Не убивал!
 - Можешь поклясться на Святом Евангелии?
 - Могу!
 - Пожалуй, я тебе поверю.
 - Я удовлетворил ваше любопытство?
 - Почти.
 - А наш договор остается в силе?
 - О, конечно!
 - Значит, я свободен?
 - Как ветер.
 - И я могу идти?
 - Да, до встречи.
 - Я предпочел бы сказать: прощайте!
- Диас уже сделал несколько шагов к выходу, но Бартоломе окликнул его.
- Вот что, сын мой, не вздумай поднять паруса и показать святому трибуналу корму!
 - Почему бы и нет?
 - Потому что тебе будет довольно сложно погрузить на борт мать и семерых сопляков в придачу. Согласись, это обременительный груз для вольного добытчика.
 - А если я все-таки выйду в море?
 - Все они, как причастные к делу о ереси, окажутся в тюрьме святого трибунала.
 - Подло, мерзко, гадко!
 - Возможно. Но ты можешь мне дать другие гарантии?
 - Мое слово!
 - Прости, сын мой, но я тебе тоже не поверю.
- Диас вышел, громко хлопнув дверью.
- «Мог бы и поблагодарить за то, что так легко отделался, – подумал Бартоломе. – И он не убивал. Скорее всего, он не убивал. У него не хватило бы ума переодеться чертом. К тому же, почему яд? Диасу было бы проще воспользоваться шпагой или абордажной саблей. И уж конечно этот верный христианин не стал бы составлять договор с дьяволом. Интересно, он вообще умеет писать? К тому же, почему этот бандит не позарился на сокровища еврея? Ему же никто бы не помешал! Пабло бежал, старуха хватилась своего мужа только на следующее утро. И все же, я не положился бы на слово этого разбойника. Отныне каждый его шаг будет мне известен».
- Выйдя из здания трибунала, Диас отправился в порт. Он тотчас заметил, что за ним следует какой-то человек. Впрочем, шпион даже не пытался прятаться.

В портовой таверне Диас разыскал своих матросов и приказал им отправляться на «Золотую стрелу». После душного, сперттого воздуха церковного судилища ему хотелось на простор, на свободу. Сильные руки гребцов быстро гнали шлюпку вперед, а Диас ломал голову над тем, как же ему поступить и не лучше ли будет поднять паруса и положиться на волю Божию.

«Золотая стрела» выглядела совершенно пустой и как будто мирно дремала в бухте. Но вот над бортом показалась голова солдата в начищенном шлеме.

– Эй, на шлюпке! – окликнули матросов. – Поворачивай! Сюда нельзя!

– Это еще что такое?! – воскликнул Диас. – Я – капитан «Золотой стрелы»! Что вы, черт побери, делаете на моем судне?!

– Ты-то, может, и капитан, – ответил ему солдат, – вот только шебеки у тебя больше нет. Судно конфисковано по приказу коррехидора. Так что прочь отсюда, пока я не разрядил в тебя мушкет!

Рядом с первым солдатом показался второй. Сверкнуло дуло мушкета.

Диас в сердцах ударил кулаком по банке, на которой сидел.

– Проклятый монах! Везде успел! Обложил, как дикого зверя!

– Что будем делать, капитан? – спросил один из матросов.

– Гребите к берегу, ребята, – устало махнул рукой контрабандист. – А там поглядим.

Бедный Диас! Он, кому уступали дорогу все окрестные парни, он, кого уважали и считали себе равным бывалые моряки, он, кого боялись алжирские корсары, чувствовал себя мухой, запутавшейся в паутине, птицей, попавшей в силки. Инквизиция шла по его следу. Чужие люди распоряжались на его судне. Его близким угрожала опасность. Но самое ужасное – не понимал, почему его преследуют и что от него хотят. Он не видел смысла в этой игре и ничем не мог объяснить ее, кроме злой воли человека в черном, который, по какой-то ему одному ведомой причине, задумал его погубить. Диас редко доискивался причин. Он был ловок и сообразителен, но он не привык долго размышлять. Он никогда не распутывал сложных узлов, он их просто разрубал, кинжалом, шпагой, абордажной саблей. Он не хотел и не умел плести интриги, он предпочитал сражаться оружием, достойным настоящего мужчины. И сейчас он чувствовал, что готов нарушить свое слово и отправить на тот свет одного недостойного христианина, который именовал себя то доном Бартоломе де Сильва, то отцом Себастьяном.

* * *

Вот он, дон Фернандо де Гевара, знаменитый маг и чернокнижник. Человек, который мог вызвать два десятка ужасных демонов. Человек, который думал, что может повелевать ветрами и молниями, дождями и ураганами. Человек, который много лет потратил на изучение магии и каббалистики. Человек, который, должно быть, достиг вершины знаний, и, возможно, слегка повредился в рассудке.

Де Гевару усадили на простую грубую скамью посреди зала заседаний. Страшный колдун совсем не производил угрожающего впечатления, скорее наоборот, он выглядел очень одиноким, подавленным и растерянным.

Дон Фернандо де Гевара был мужчиной мощного телосложения, с широкими плечами и мускулистыми руками. Вероятно, он обладал огромной физической силой, но ничто в его облике, на первый взгляд, не свидетельствовало о силе духа. Де Гевара не отводил взгляд, но в нем не чувствовалось дерзкого вызова представителям церкви, скорее, безмолвный вопрос и даже простодушие. Однако Бартоломе понимал, что не следует доверять первому впечатлению.

В виду важности дела на допросе присутствовали оба инквизитора и сам епископ.

– Мы увещеваем вас говорить правду и только правду и добровольно сообщить нам о том, что вы сказали или сделали противного святой вере и святой католической церкви, –

обратился брат Себастьян к колдуну. – В противном случае, нам придется поступить с вами по всей строгости закона.

– Но, святые отцы, – воскликнул де Гевара, – я не сделал ничего плохого, моя совесть чиста!

– В ваших интересах добровольно сознаться во всем и не навлекать на себя кару Господню и человеческую, – добавил брат Эстебан.

– Но, святые отцы, я не понимаю, чего вы от меня хотите и почему я здесь!

– Сын мой, никого не заключают в тюрьму святого трибунала без достаточных оснований для этого, – наставительно изрек брат Себастьян. – Итак, приступим. Ваше имя?

– Дон Фернандо де Гевара де Вера.

– Кто ваши родители?

– Мой отец – дон Луис де Гевара де Охеда – служил под знаменами дона Хуана Австрийского, в битве при Лепанто¹² он командовал королевской галерой. Там он получил тяжелую рану и был вынужден выйти в отставку. Моя мать – донья Изабелла де Вера – происходила из старинного астурийского рода. Она известна своей благотворительностью и щедрой поддержкой женского монастыря святой Терезы. Оба потомственные дворяне.

– Это так, – подтвердил епископ, обращаясь к Бартоломе.

– Положим. А не было ли среди ваших предков мавров или морисков?

– Один из моих предков сражался вместе с Сидом Кампеадором! – ответил обвиняемый, и глаза его грозно сверкнули. – Я ненавижу неверных!

– А не состояли ли вы в родстве с иудеями?

– Нет! Род де Гевара всегда гордился чистотой крови!

– А не было ли в числе ваших родственников людей, осужденных за ересь?

– Нет, никогда! Сеньоры де Гевара всегда являлись примером для всех истинных христиан и не раз проливали кровь за нашу святую веру!

– Это верно, – опять подтвердил епископ. – В моей коллекции есть одно интересное полотно... Неизвестный художник изобразил рыцаря в полном вооружении на боевом коне. У меня есть все основания предполагать, что рыцарь этот – дон Мигель де Гевара, прапрадед дона Фернанда. По крайней мере, если верить не слишком разборчивой надписи в левом верхнем углу картины.

– Охотно верю, – процедил сквозь зубы Бартоломе, – но, согласитесь, ваше преосвященство, к делу это не относится.

¹² В битве при Лепанто (1571 г., Греция) объединенный флот христианский держав (Испания, Венеция, папство, Мальтийский орден) нанес сокрушительное поражение турецкому флоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.